Детектив под знаком Зодиака

ДИАНА КИРСАНОВА

СОЗВЕЗДИЕ КОЗЕРОГА, или Красная метка

ЭКСМО

Диана Кирсанова
Созвездие Козерога, или Красная метка
Серия «Детектив под знаком Зодиака»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=318302
Созвездие Козерога, или Красная метка: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-32858-1

Аннотация

Люди, рожденные под созвездием Козерога, славятся чувством ответственности и любовью к порядку. Милейшая Зоя Яковлевна давно и исправно служит консьержкой в многоквартирном доме. За всеми наблюдает и уже ничему не удивляется. Но чтобы случиться такому!.. В канун Нового года некий мужчина средних лет и приличной наружности подбросил в ЕЕ подъезд младенца. А чуть позже незнакомца нашли раздетым и убитым в квартире молодой прелестной девушки. Хорошо еще, что на месте действия оказалась Леди Зодиак – сыщица-астролог. Как выяснилось, она спешила предупредить девушку о грядущем несчастье и опоздала. И теперь ей ничего не остается, кроме как начать расследование…

Диана Кирсанова
Созвездие Козерога, или Красная метка

Не надо было его впускать.

Ох, не надо, не надо было его впускать!

С другой стороны – все-таки праздник. Последний день декабря.

Как не впустишь в такой день Деда Мороза?!

Я как раз заступила на свой пост консьержки.

Расположилась в стеклянном «стакане», откуда открывался вид на входную подъездную дверь и широкую лестницу, еще блестевшую влажными разводами – ее только что помыли. Протерла стол – моя напарница, неаккуратная вертлявая студентка, никогда не убирает за собой крошки от печенья и не ликвидирует коричневые «восьмерки» от подстаканников, в которых на протяжении всего дежурства пьет черный, как деготь, чай. Сколько ей ни говори – не считает нужным за собой убирать! Только смотрит наглыми глазами, в которых бегущей строкой скользит, что я – старая перечница, карга, ведьма, грымза, вредная старуха и просто напичканное маразмом хламье. А ведь куда проще – убрать за собой!

– Ольга! Рабочее место должно скрипеть, как чистая тарелка! Тебе же самой будет приятно.

– А я предпочитаю одноразовую посуду! – огрызается студентка и с независимым видом удаляется, закинув на плечо сумку, похожую на холщовый военный «сидор».

Все они сегодня предпочитают одноразовое. Одноразовую посуду, одноразовые шприцы, одноразовую любовь. Зачем распыляться на мытье тарелок здесь, если завтра будешь ночевать в другой квартире? А жизнь проходит, и она, к сожалению, тоже не многоразовая. Когда это поймешь, уже сама будешь смята и без всякого сожаления выброшена за борт, как одноразовая тарелка.

Впрочем, что это я? Сама же и разворчалась, старая перечница.

…Итак, был последний день декабря.

Я заступила на свой пост консьержки.

Пахло елкой, чуть-чуть мандаринами и еще тем, нераспознаваемым до вычленения в отдельный запах, но очень узнаваемым ароматом единственного зимнего праздника, Нового года.

Жильцы готовились встретить Новый год во всеоружии. Уже никто не бегал по лестнице, волоча сумки с торчащими горлышками шампанского и дубинками копченых колбас; никто, я имею в виду детей, не выскакивал без шапки на мороз, чтобы в последний раз опробовать на снегу возле подъезда очередную пиротехническую гранату. Все расползлись по квартирам, и даже до меня доносились тонкие ароматы блюд, которые вскоре будут водружены на празднич-

ные скатерти сорока квартир вверенного мне подъезда.

Я достала вязание и развернула маленький телевизор так, чтобы удобнее было смотреть обращение Президента к народу. Пока же шел праздничный концерт. Был десятый час вечера.

И вот тут-то и возник он – Дед Мороз собственной персоной.

Не очень высокого роста, в сапогах и остроконечной шапке, в шубе из искусственного бархата, должным образом затканной серебряным узором, с прекрасными синтетическими сединами, белоснежной волной спускающимися до самого пояса, и, конечно, с огромным мешком через плечо он был просто великолепен. Единственное, что меня сбило, – поролоновый нос, то есть просто шарик на резинке, надетый на месте носа. На мой взгляд, эта деталь больше подходила клоуну, а не Деду Морозу.

– Здра-авствуйте, – прогудел он нарочито не своим, «сказочным» голосом. – С праздником вас, с наступающим Новым годом! Разрешите…

И на стол передо мной легла шоколадка, выскользнувшая из его большой атласной рукавицы.

– Спасибо, дедушка. – Ох, давненько ко мне не приходили на праздник Деды Морозы! – Далеко ли вам? Куда путь держите?

– К Чечеткиным, – ответил дед, направляясь прямой дорогой к лифту.

Я кивнула и вновь занялась вязанием: у Чечеткиных было семеро детей.

Лифт загудел, поднимая сказочного деда в объятия счастливой ребятни. Я на минуту задумалась, пытаясь представить, как удалось семье Чечеткиных, еле-еле сводящей концы с концами, умудриться оплатить такое дорогое удовольствие, как визит сказочного Деда накануне Нового года. «Да, но Сима, мать семейства, работает как раз где-то по линии собеса, – мелькнула догадка. – Наверное, смогла на работе договориться».

Я чуть прибавила звук в телевизоре, чтобы услышать, о чем будет говорить появившаяся на экране девица с длинными медно-рыжими волосами. В прядях поблескивали нити конфетти и серпантина. Еще одна участница концерта. Камера взяла ее крупным планом, и меня вдруг заинтересовало это узкое белое лицо с непропорционально широким разрезом глаз, да еще к тому же щедро усыпанное веснушками. Это в декабре-то!

Эту фифу в телевизоре я видела в первый раз. Какая-нибудь певичка из новых? Или телеведущая, которую решили представить зрителям именно в новогоднюю ночь? Или…

Тряхнув рыжей гривой и улыбнувшись прямо в объектив камеры улыбкой сытой тигрицы, которая явно не прочь поиграть, «фифа» вдруг заговорила – и я невольно вздрогнула от того, насколько глубоким и сочным оказался ее голос.

– С каждым годом в жизни любого человека происходят перемены, и желание заглянуть в свое будущее по-прежнему отличается завидным постоянством. И сегодня, провожая високосный год, принесший нам много грусти и радости, мы открываемся навстречу новым впечатлениям и чувствам – 2009 году. Этот год – год Быка, и для каждого знака зодиака он пророчит свои перемены. Расположение планет указывает нам на противоборство всего нового и прогрессивного со всем старым и консервативным. Новые тенденции обязательно возьмут верх, а те люди, которые будут слишком сильно цепляться за прошлое, могут многое потерять в течение этого года. Мир начинает меняться, и необходимо начинать меняться вместе с ним…

Ах вот оно что! Разочарованная, я вновь убавила звук. Очередная гороскопиня! В наше время медиумов и предсказателей развелось, как у собаки блох.

В наши почтовые ящики бросают немало бесплатных газет, и сколько раз мне приходилось наблюдать, как молодежь, да и люди постарше тоже, набрасываются на колонки с напечатанным гороскопом, как кот на валерьянку. Как же! Приятно знать, что там, на небесах, за тебя уже все решили: зачем работать, если в этот день тебе грозит ссора с начальством, зачем гладить мужу рубашки – ведь с его стороны возможна измена, стоит ли здороваться с соседями – все равно против тебя «интригуют недоброжелатели» и так далее.

И никому не приходит в голову, что человеческие отношения – это большой труд, требующий каждодневной работы, и никакие откровения псевдоцелителей, никакие звезды не придадут тебе ума, добра, умения понять и прощать! Иначе…

Чувствуя признаки подступающего раздражения, которое оказалось бы так некстати в новогоднюю ночь, я до отказа повернула рычажок громкости телевизора с таким чувством, будто сворачиваю шею всем шарлатанам мира.

И только было опять взялась за вязание, как…

Клок! Кто-то толкнул подъездную дверь, выбросив перед собой морозное облако, и с силой, не позаботившись о том, чтобы попридержать чересчур тугую пружину, захлопнул ее за собой. Я опустила вязание и сдвинула на нос очки, стараясь как можно лучше разглядеть вошедшего.

Очень солидный, одетый в дорогое кашемировое пальто (расстегнутое – это в такой-то мороз!) средних лет мужчина со светлой бородкой. Выражение лица отнюдь не праздничное – губы сжаты, глаза тревожно перебегают с предмета на предмет. И главное – сверток. Вернее, розовое одеяло, перетянутое широкой лентой, по которому нетрудно было догадаться, что там, внутри, – ребенок. Тащить грудного ребенка по улицам в такой мороз! Да еще в новогоднюю ночь!

Нет, похоже, я сегодня не перестану удивляться проявлениям человеческой фантазии!

– Вы к кому? – строго спросила я, постаравшись этими словами не только обозначить вопрос, но и дать мужчине понять, что он поступает, по меньшей мере, легкомысленно.

– К Чечеткиной, в сто сорок первую.

– Она вас ждет?

– Да, – сказал он, немного поколебавшись.

И, поскольку от меня не укрылась его неуверенность, я хотела было данной мне властью преградить вход этому мужчине к молодой одинокой девушке (старшая дочь Чечеткиных уже около года жила отдельно, снимая квартиру двумя этажами выше той, где ютилась ее семья). Но ребенок – вот что меня сбило. Не замерзать же младенцу на лестничной клетке, пусть даже он и был завернут в одеяло! Да и потом, что плохого может сделать девушке мужчина с ребенком?

– Проходите, – нехотя сказала я, постаравшись при этом, чтобы на лице моем было дописано окончание фразы: «…но чтобы это было в последний раз».

Не похоже было, чтобы мужчина с бородкой как-то особенно нуждался в моем разрешении: свое «Проходите» мне пришлось досылать ему в спину.

Больше в оставшиеся до Нового года минуты в нашем подъезде никто не появлялся.

А уже первого января…

* * *

– Послушайте! Послушайте! – кто-то настойчиво тряс меня за плечо.

Не сказать, чтобы я задремала – я никогда не сплю на рабочем месте, – но все-таки время уже перевалило за вторую половину новогодней ночи, а в четвертом часу утра некий тормозящий чувства и реакцию туман вползает и не в такие пожилые головы, как моя.

Нет, я не спала, просто, опустив вязанье на колени и подняв очки к переносице, решила чуть-чуть отдохнуть. И почти забылась в дремоте, но, по счастью, человек так настойчиво трясший меня за плечо, не позволил мне погрузиться в сон.

– Послушайте, как вас? Зоя Яковлевна! Посмотрите, это же ужас что такое!

Я открыла глаза и увидела прямо перед собой что-то большое и розовое. Поспешно поправила очки: ба, да это же вчерашнее одеяльце! И тот самый младенец, из жалости к которому я не стала подвергать допросу с пристрастием мужчину со светлой бородкой.

Розовое одеяло с белой лентой, завязанной бантом, словно его только что упаковали в магазине. И то же самое можно было сказать о содержимом. Новенький, с иголочки, младенец со скорбным выражением лица, свойственным всем

новорожденным, с еле наметившейся чернявой челкой на сморщенном лобике.

– Откуда это у вас? – спрашивая это, я перевела глаза на стоявших рядом людей.

Их-то я узнала сразу. Маленький, лысоватый, слегка обрюзгший Петр Петрович Воскобойников, директор автобазы Спецавтохозяйства в Митино. И рядом с ним – его старинная пассия, высокая женщина в черном платье из панбархата, со слишком глубоким вырезом, оставляющим открытым ее слишком дряблую шею. Эта женщина (как бишь ее? Ольга Петровна!) приходила к старому холостяку Воскобойникову несколько раз в неделю и, судя по тому, что делала она это совершенно открыто и днем, сама была тоже не замужем.

Значит, теперь эта парочка решила вместе встречать Новый год.

– Как к вам попал этот ребенок? – спросила я уже погромче.

Ответом мне были поднятые плечи Петра Петровича:

– Мы и сами хотели бы это знать, уважаемая!

Как удалось выяснить путем недолгих расспросов, дело было так.

Однокомнатное жилище старого холостяка, в другие дни наверняка пыльное и загроможденное, сегодня, когда Петр Петрович ждал в гости свою верную подругу, кардинально преобразилось. На накрытом столе наличествовали даже

крахмальные салфетки в кольцах, три вида фужеров стояли возле каждого прибора.

– Я и не знала, дорогой, что ты так виртуозно владеешь утонченным искусством сервировки! – церемонно сказала Ольга Петровна, приподнимая изящно выщипанные бровки. При этом она не упустила возможности мимоходом оглядеть свое отражение в ведерке с шампанским: сегодня ей удалось взбить свои редкие, окрашенные в огоньковый цвет волосы в некую прическу а-ля Помпадур, и Ольга Петровна тщательно следила за тем, чтобы из легкой башни на голове не выбивался ни один волосок.

Пробили куранты, и стареющие любовники сблизили фужеры.

– Позволь мне на правах старинной приятельницы поздравить тебя, дорогой мой, с насту… а так же преподнести…

Не договорив полфразы, Ольга Петровна достала из шуршащего пакета курительную трубку из палисандрового дерева в инкрустированной шкатулке и пачку элитного табака.

– Ах, Оленька, я тоже… сейчас…

Суетясь, Петр Петрович вынул из-под елки пластиковый мешок с упакованным в нем мохнатым шерстяным одеялом экзотической окраски.

– Боже, как элегантно! – одобрила подарок Ольга Петровна. – Теперь нам, дорогой мой, необходимо обзавестись двумя пятнистыми королевскими догами, клетчатым шотланд-

ским пледом, креслом с высокой викторианской спинкой…. Да, и камином! Обязательно заведи камин!

Разомлевший и размякший от шампанского и от близости любимой женщины Петр Петрович был согласен со всем – даже с присутствием в его однокомнатной квартире пятнистых королевских догов. Он неловко схватил трубку, сунул ее в рот да так и замер на месте, поглядывая на любимую влажными от счастья глазами.

Он был в полшаге от того, чтобы сделать ей предложение. И Ольга Петровна с минуту или две ждала, когда же он сделает эти заветные полшага.

Не дождалась. Кашлянула.

– Кушай, дорогая, пожалуйста, кушай, прошу тебя, – обрел-таки Петр Петрович дар речи и захлопотал у стола. – Салатики, рулетики, тарталеточки, рыбка вот трех сортов…

– Из всех сортов рыб лично я больше всего люблю пельмени, – мрачнея, сказала Ольга Петровна, нацеливая вилку в самый центр витиевато украшенного салата.

Играли бликами бока разнокалиберных бутылок с напитками, исходила росой ваза с фруктами, в другом конце комнаты заходилась в разухабистой пляске нестареющая Надежда Бабкина – она еще и пела что-то, но звук в телевизоре был приглушен.

Как вдруг застолье было прервано двумя резкими звонками в дверь.

«Крряк! Крряк!» – кто-то слишком торопился, чтобы поз-

волить мелодии излиться по-настоящему, и дважды быстро стукнул по кнопке звонка. Вслед за чем этот некто бросился бежать по лестнице. Да так стремительно, что, когда поспешивший на странный звонок хозяин дома выглянул за дверь, он увидел только тьму парадного и большой сверток у своего порога.

Сверток был не только большой, но и мягкий – это Петр Петрович сумел определить уже в следующую секунду, стоило ему лишь нагнуться и дотронуться до непонятного тюка рукой. *Это* оказалось завернутым в одеяло, и вот в самой сердцевине этого свертка, из вороха пеленок и покрывалец, как кочерыжка из капусты, вдруг обнаружился самый настоящий младенец!

– Подкидыш… – ошарашенно констатировал Петр Петрович. Он плюхнулся толстеньким задом на первый попавшийся стул и очумело заскреб ногтями по лысине. – Подкидыш! Что же нам с этим делать? Ах да! Что-то такое я читал… первым делом… Надо посмотреть, нет ли записки…

– Хотела бы я знать, – медленно и с какой-то преувеличенной чопорностью отчеканила Ольга Петровна, вытягивая длинную морщинистую шею, неспешно поворачивая голову и демонстрируя свой гордый профиль, вдруг став похожей на рассерженного попугая из зоопарка, – хотела бы я знать, дорогой мой, почему это ребенка подбросили именно к тебе?!

Она тряхнула головой, отчего прическа Помпадур мгновенно стала разрушаться (первая легкая прядь упала ей на

лоб), и, зловеще мерцая из-под этой челки карим глазом на Петра Петровича, превратилась в настоящую ведьму:

– На стороне пошаливаешь, дорогой мой? Потомством на старости лет обзаводишься? А?!

В голосе Ольги Петровны громыхнули такие наэлектризованные ревностью интонации, что Петр Петрович невольно вжал голову в плечи: возражать в эту минуту любимой было так же опасно, как хвататься мокрыми руками за оголенные провода.

Он торопливо отскочил от тахты, где лежал и сонно моргал из пеленок маленький человечек, и умоляюще прижал обе полненькие ручки к честной груди:

– Олечка, милая… Да ты что? Как ты могла подумать?! Он же мне во внуки годится, этот мальчишка!

Двух-трехмесячный младенец подходил бы шестидесятилетнему Петру Петровичу даже в пра-, а не просто внуки, но разгневанной Ольге Петровне эти несложные арифметические подсчеты были чужды:

– Почему же тогда, хотела бы я знать, – повторила она, сатанея на глазах, – этого ребенка подбросили именно к тебе?!

– Олечка, вот я клянусь…

– А откуда же тогда, – она вытянула руку вверх, будто приготовляясь отдать команду: «Пли!» во время расстрела за предательство, – откуда же ты знаешь, что **это** – мальчик?

– Дорогая моя, – трепыхнулся любимый, – как-никак, моего жизненного опыта хватает для того, чтобы научиться от-

личать девочку от хлопца.

– Где же это ты, интересно, – все так же зловеще продолжала наседать на Петра Петровича невеста и уперла руки в бока, в очередной раз тряхнув окончательно распавшейся на составные части прической, – где же ты разглядел у него то самое, что отличает девочку от мальчика, если он – в ползунках?!

– Олечка, но ведь ползунки-то – голубые!

И тут найденыш, словно почувствовав, что до сих пор ему уделяли слишком мало внимания, поднатужился, крякнул, выгнулся дугой и включил сирену такой силы и мощи, что любовников буквально отбросило к противоположной стене.

«Только родился – и уже чем-то недоволен», – подумал Петр Петрович с невольным осуждением.

– Боже мой, боже мой! – это читалось у Ольги Петровны по губам, ибо работа легких малютки не давала им возможности услышать друг друга. – Боже мой, ведь надо же что-то сделать!

Опасаясь за собственные барабанные перепонки, они завернули младенца в одеяло и кинулись с ним вниз, ко мне.

Почему ко мне? Не знаю. Наверное, потому что в нашем подъезде я все-таки считалась кем-то вроде начальства.

* * *

Самое интересное, что, пока они спускались до поста кон-

сьержки, сверток затих. Правда, гневное дитятко еще взбулькивало какими-то остаточными звуками, но, главным образом, по инерции. Сейчас его больше занимали мои действия – я, путаясь в неуклюже навинченных на мальчике простынках, пыталась извлечь его из кокона. При этом Петр Петрович позволил себе пощекотать малыша под подбородком, погладить по спинке и внушить ему первые представления о чувстве собственного достоинства:

– Ну же, малыш, будь мужчиной… Мужчины не плачут! Ты будешь смеяться, но сам я не плачу никогда… А если плачу, то только в череп… Только в череп – не наружу!

Не сказала бы я, что крошка был настроен философствовать на эту тему. Пока я перепеленывала его (убедившись, что никакой записки при нем нет), мальчик лежал на моем столе и пока еще беззвучно открывал ротик. Судя по всему, ребятенок просто делал передышку перед тем, как во второй раз расправить легкие.

– Вот, черт возьми! Ни одной особой приметы! – заметила Ольга Петровна.

– Зато он замолчал, – любовно возразил Петр Петрович. – Ишь, чует, хороняка, умелые женские руки! Почувствовал себя мужчиной – и перестал плакать…

– Он пока еще ничего не почувствовал, – проворчала Ольга Петровна, беря спеленатого малыша на руки и осторожно трогая его лобик. – Смею тебя уверить, мужчиной он почувствует себя не раньше, чем научится пи́сать стоя.

– А по-моему, он на меня с симпатией глянул! Вон, смотри, даже улыбается…

– Чушь! – отрезала Ольга Петровна и опешила: младенец, действительно, смотрел на нас серо-голубыми глазенками и строил приветливую гримасу. – Гм!.. – младенец снова перекочевал в мои руки. – Я считаю, надо вызывать милицию.

Я тоже так считала. У меня на посту было тепло, даже почти жарко, однако это не давало нам основания держать здесь малютку сколь угодно долго.

В ожидании прибытия милиции я и Петр Петрович приступили к исследованию розового одеяльца и пеленок-покрывалец. Всего этого в свертке насчитывалось достаточно, целое приданое. Между простынкой с вышитым уголком и краем одеяла я нащупала что-то твердое, вынула. Это были красный пластмассовый утенок с обгрызенным клювом и маленький плюшевый мишка, тоже не новый. Странное обстоятельство! Само одеяло было не новым, а пеленки и ползуночки – словно только что из магазина. На некоторых даже виднелись еще не сорванные ярлычки.

– «Распашонка детская, фланелевая», – прочитала я на одном из них. – Магазин детской одежды «Кукленок», ул. Соборная, 8а… «Мы оденем вашего ребенка, как куколку!»

– Ну и что? Думаете по такой примете родителей его найти? – безнадежно махнул рукой Петр Петрович. – В этом магазине ежедневно сотни, если не тысячи покупателей. Тем более что мы даже не знаем, когда именно все это приобре-

талось.

– А записки, записки нет? – еще раз спросила я.

– Нет, – ответил он, в последний раз переворошив груду тряпок в одеяле. – Нет. Вот только…

На свет появился новый предмет – маленький, но тяжелый. И наспех завернутый в газету, на которой кое-где проступили неровные масляные пятна.

– Осторожно! – вскрикнула я, чувствуя, что вторая находка грозит действительно большими неприятностями. Но было поздно. Петр Петрович в два приема разворошил несвежий газетный лист и, не веря своим глазам, медленно поднял то, что там лежало.

Пистолет.

Нахмурив кустистые бровки, Петр Петрович поднес ствол к картофелеобразному носу и, совсем как собака-ищейка, часто-часто обнюхал черное дуло.

– Называется – с Новым годом вас, дорогие товарищи! – проворчал он, плюхаясь на заправленный стареньким покрывалом диванчик, стоявший за моей спиной. Оружия он не выпустил, но свободной рукой машинально вынул из кармана большой клетчатый платок, которым принялся вытирать вспотевшую лысину.

– Петр Петрович, успокойтесь, – сказала я как могла бодро. – Ну, подкидыш, подумаешь! Сейчас приедут и заберут его.

– Давайте считать это происшествие приятным сюрпри-

зом, – поддакнула мне Ольга Петровна – ревность в ней улеглась, и теперь она, кокетливо поглядывая на жениха, пыталась привести в порядок прическу. – Я где-то читала, что подкидыш – это к счастью…

– Счастья в этой истории будет совсем мало, дорогие мои, – уныло ответил нам обеим посмурневший Петр Петрович. – Из этого пистолета недавно стреляли!

Возникла пауза. Секунд на пять, не больше.

– Кто? – глупо спросила Ольга Петровна.

– Не знаю. Но вряд ли сам этот малютка.

Она сглотнула слюну. Руки, кружившие над прической, задвигались быстрее:

– В любом случае, нас с вами это не каса…

Хлопнула подъездная дверь, и через минуту бесстрастный капитан в серо-синем милицейском кителе уже заполнял на моем столе какие-то протоколы.

– Есть ли у вас подозрения, кто мог подбросить под дверь этого ребенка? – отрывисто спрашивал он у всех нас по очереди. – Нет? Хорошо… А не знакома ли вам хотя бы одна из бывших при нем вещей? Нет? Недурственно… А не… – он прищурился на Петра Петровича и, что возмутительнее всего, на меня тоже! – А нет ли у вас подозрений, что это ваш ребенок?

– Нет! – хором отреклись мы.

– Отлично…

Как видно, капитана радовал любой ответ, который ему

удавалось получить.

Тем временем прибывшая с ним энергичная медсестра в надетом прямо на пальто белом халате уже приняла у меня с рук на руки заснувшего мальчишку. Снова развернув ребенка, она быстро и профессионально ощупывала малюсенькое тельце.

От этой бесцеремонности малыш, конечно, проснулся и захныкал. Но вторичного концерта не устроил.

– Ребенок здоровый. Мальчик. Возраст – два с половиной месяца. Родимых пятен нет. Повреждений – нет. Видимых патологий – нет. Содержался в хороших условиях, – телеграфным стилем отчеканила капитану медсестра.

Тот быстро расчиркал полученные сведения по линованным страницам своих протоколов. Но нам было ясно, что ребенок интересует стража порядка поскольку-постольку. Пистолет! – вот что занимало его больше всего: Капитан то и дело косился шустрым глазом на лежавший перед ним газетный лист с оружием.

– Расскажите подробно, как и где вы его нашли? – обратился он к Петру Петровичу.

Тот пожал плечами:

– Да там же и нашел, в одеяле, между пеленками…

Смятый газетный ком полетел на пол – капитан подсунул под рукоятку карандаш, зацепил пистолет и всесторонне его исследовал.

– Тэк-с… Номера спилены, прекрасно… Магазин на ме-

сте – великолепно! Оружие тщательно смазано. Превосходно!

Тетка тем временем снова упаковала мальчика и присела с ним на диванчик.

– Куда вы его? – спросила я, пристраиваясь рядом.

– В дом малютки, куда ж еще-то.

– А потом?

Она посмотрела на меня с явным удивлением:

– Что потом? Потом так и будет там жить, если родители не найдутся. Лет до трех. Потом в детский дом, оттуда – в интернат… Известно – сиротская доля!

Я вздохнула. Нахмурился и Петр Петрович. Ольга Петровна, хотя и пыталась держаться отстраненно, все же закусила губу. Все мы жалели найденыша, обреченного с этой минуты на казенное воспитание.

Но что можно было тут поделать?

* * *

Вдруг дверь подъезда снова открылась-закрылась, и в легком облачке пара перед нами возникла незнакомка в прекрасной, я бы даже сказала – великолепной, лисьей шубе. Не будь я убежденной рационалисткой, решила бы, что это сама Снежная королева появилась перед нами, покинув свои чертоги, настолько уверенно держалась эта женщина и настолько царственной походкой и осанкой она обладала.

Нисколько не смутившись тем, что все мы вшестером (я, Петр Петрович, его пассия, капитан, медсестра и малыш) уставились на нее с немым вопросом на устах, дама в шубе поднялась по ступенькам прямо к моему стеклянному «стакану» и высокомерным тоном спросила, даже не дав себе труда пригнуться к окошечку:

– Буду вам очень признательна, если вы подскажете мне, как пройти в квартиру Маргариты Михайловны Чечеткиной.

Вот тут-то меня и «накрыла», как выражаются современные юноши и девочки, страшная догадка! Понятия не имею, почему до сих пор я даже краешком мозга не вспомнила о том мужчине с бородкой – ведь он шел к Рите Чечеткиной и у него в руках был ребенок в розовом одеяле.

Значит, вот кто его подкинул!

Но… тогда этот бородач должен был пройти мимо меня обратно, а он не проходил.

И заходил ли он вообще к Рите Чететкиной?

И главное, самое главное – почему я не подумала, не вспомнила о нем раньше?!

Хотя на последний вопрос, кажется, при желании ответ найти возможно. В моем сознании просто как бы разделились эти два периода: до и посленовогодний. В первом была суета, подготовка, заступ на дежурство, поздние визитеры. Затем, как разделительная полоса – моя полудрема, прервавшаяся вспышкой невероятного события: подкинут младенец! У меня просто не было времени, чтобы свести все во-

едино.

Плохо, очень плохо. Огромный минус моей хваленой наблюдательности!

Итак…

– Буду вам очень признательна, если вы подскажете мне, как пройти в квартиру Маргариты Михайловны Чечеткиной, – сказала дама в лисьей шубе, и моя память, словно извиняясь за недавние промахи, тут же подсказала, где я могла видеть эту даму раньше: ну конечно же, в… телевизоре!

Эта была та самая – или очень похожая на нее – рыжекудрая девица с веснушками, разбросанными по узкому белому лицу, на котором яркой кляксой выделялись полные кроваво-красные губы. Та, что вещала по телевизору за час или два до боя курантов и говорила что-то о прошлом и настоящем.

– Это вы выступали сегодня в праздничном концерте? – спросила я несколько не в тему.

– Я. Правда, концерт шел в записи. Простите, я не хочу быть невежливой, но не могу не напомнить, что первой вопрос задала я. Про Маргариту Михайловну Чечеткину.

– Да, да. Она живет в сто сорок первой. Девятый этаж.

Не говоря ни слова, дама в шубе направилась к лифту. Я оглянулась на капитана: подняв над протоколом ручку, он так и замер, провожая рыжую взглядом, в котором было гораздо больше мужского, чем следовательского интереса.

– Иди туда, идите следом, – заговорила я быстро, накло-

няясь к нему.

– Что? Почему? Зачем?

– Этого ребенка принес сюда человек, который тоже направлялся в сто сорок первую квартиру! И она сейчас идет туда. Здесь что-то не так. Нечисто что-то!

Капитан перевел взгляд на меня и внимательно осмотрел с ног до головы. Я поправила очки.

– Уверяю вас, надо подниматься следом!

Не знаю, решил ли капитан послушаться меня или просто обрадовался возможности еще раз оказаться вблизи рыжеволосой Цирцеи, но только он и в самом деле сорвался с места и поспешил к лифту.

Я следовала за ним по пятам – должна же я, в конце концов, понять, что творится во вверенном мне подъезде!

Остальные не тронулись с места.

* * *

Мы приехали на нужный этаж уже после рыжей, еще успели заметить, как подол ее шубы мелькнул в пролете между этажами, каблучки процокали чуть выше, остановились. Что-то скрипнуло, шуба в последний раз мелькнула – и скрылась…

– Вы заметили? Она не позвонила в дверь! И не постучала! – шепнула я капитану.

Вместо ответа сотрудник милиции с неожиданной для ме-

ня решительностью отстранил меня от двери, нащупал в кобуре пистолет и на цыпочках прокрался в квартиру. Дверь, конечно, оказалась открытой.

Я посчитала своим долгом войти следом – и остановилась, наткнувшись на его твердую, вытянутую передо мной руку.

– Тихо! – прошептал капитан прямо мне в ухо. Мы стояли в коридорчике чужой квартиры и настороженно прислушивались. Было тихо… Пугающе тихо.

– Где она? – шепотом спросила я.

Ответом мне были быстрые легкие шаги. Они приближались.

Щелкнул выключатель. Рыжая стояла прямо перед нами. Она была бледна, от чего ее и без того белое лицо казалось каким-то неестественным, будто вылепленным из алебастра.

– Очень хорошо, что вы здесь, – сказала она капитану. – Я так и знала… Не прощу себе. Я не успела ее предупредить!

– О чем?

– Лучше будет, если вы сами посмотрите.

Сказав это, она уверенно прошлась по всей квартире, щелкая выключателями. Мы заморгали от обилия хлынувшего отовсюду света.

– Смотрите сами.

Квартира, в которую мы вторгались, была, наверное, точной копией холостяцкой берлоги Петра Петровича – такое же однокомнатное жилище улучшенной планировки со скудной обстановкой. В коридоре на стене – дешевый телефон-

ный аппарат, стойка-вешалка для верхней одежды и потертый половичок. В ванной и туалете (Рыжая открывала по пути все двери) – потрескавшийся кафель и пожелтевшая от старости сантехника. В кладовке – не разобранный Клондайк из пустых банок, коробок и прочего хлама, до которого у хозяев все никак не доходят руки. В кухне – маленький холодильник, стол, стул и два табурета.

В комнате…

– Господи! – прошептала я, остановившись на пороге и совсем как старая бабка вплеснув руками. Капитан замер на полшага впереди меня.

В комнате, на широкой двуспальной кровати со сползшим на пол одеялом, между раскиданных подушек, лежало тело. Именно тело, то есть труп – в этом не было сомнений. Совсем еще юная темноволосая девушка. Лиловые пятна проступали по всей поверхности ее нежной шеи, из чего следовал вывод, что ее задушили…

Голова убитой была обращена к нам, мертвые глаза смотрели прямо на капитана – вернее, смотрел только один глаз. А из второго…

– Ох, господи!!! – крикнула я, попятившись. Из второго торчал большой треугольный осколок красного стекла!

– Какой ужас…

Красный обломок, который убийца воткнул жертве прямо в глаз, был одним из тех осколков, что блескучей горкой

лежали на прикроватной тумбочке, частично осыпавшись на пол. Посреди битого стекла высился остов настольной лампы – красно-белый плафон разбился вдребезги. Может быть, это сделал убийца!

На убитой был короткий шелковый халатик, он распахнулся, обнажая маленькую грудь; ниже халатик доходил девушке только до середины бедер, а сейчас вздернулся и еще выше, и нам с капитаном были видны крепкие стройные ноги. С одной из них свешивался шлепанец с меховой опушкой.

А рядом, на полу, на не очень чистом ковровом покрытии, лежал еще один труп. Мужчина лет сорока – сорока пяти, в одних трусах и с толстой золотой цепочкой на мускулистой шее умер от выстрела в голову – багровый кружок входного отверстия, словно смертельный поцелуй, красовался точно в середине его лба. На лице убитого не было страха, который исказил черты его подруги; если бы не кровавая печать на челе, можно было бы подумать – человек просто уснул.

У него были волнистые волосы с проблесками благородной седины и столь же посеребренная рыцарская бородка клинышком. Тот самый…

– Мертвы. Оба, – сказала Рыжая, хотя это было и так очевидно. Но я все-таки попыталась найти пульс на безжизненной руке убитой и приложила пальцы к жилке на шее у мужчины.

– Ничего здесь не трогать! – резко сказал капитан. – Оста-

вайтесь на месте, обе!

И загрохотал вниз по лестнице. Про лифт он забыл.

– Пошел звонить в убойный отдел, – сказала женщина в шубе. – У нас есть всего несколько минут!

– Для чего? – не поняла я.

Вместо ответа она, осторожно обогнув тела убитых, сунула нос в одежный шкаф, стоявший напротив кровати. Подцепила одними ноготочками обе створки («пальчиков» оставлять все же не следовало) и окинула содержимое хватким взглядом:

– Тут только женские тряпки, – сказала она мне через плечо. – Мужских нету.

Я очнулась:

– А детских?

– Детских? – удивилась она. – Нет, детских тоже нет.

– Странно… – пробормотала я. И добавила, наткнувшись на ее вопросительнй взгляд: – Странно и то, что в этой квартире нет даже детской кроватки.

– Разве это странно? – проподняла она одну бровь. – В моей квартире, к примеру, тоже нет ни одной детской кроватки!

– Нет, тут другое…

Бог знает почему, но я вполголоса за полминуты рассказала ей о случившемся. Не забыв добавить, что этого мужчину с бородкой клинышком я видела живым всего несколько часов назад.

Может быть, моя словоохотливость объяснялась тем, что, разговаривая с Адой (так представилась мне рыжая дама в роскошной лисьей шубе), я тем самым отвлекалась от страшного зрелища на кровати. Невозможно было видеть это лицо с торчавшим из глазницы красным осколком без того, чтобы не накатила тошнота.

– Очень интересно. Очень! – сказала Ада, выслушав меня с сугубым вниманием. И, вопреки запрету капитана (я не могла не осудить ее за это), она еще раз осмотрела квартиру, обратив особое внимание на кухню и ванную. В первой она изучила содержимое посудного шкафчика, с большим интересом покрутив в руках две пары чайных чашек из китайского фарфора, расписанных райскими цветами. В ванной – убедилась, что на подзеркальной полочке лежит только одна зубная щетка, на крючке белеет опять же одно полотенце, а подставка для бритвенных принадлежностей пуста. Еще один, последний раз, она задержалась возле вешалки в коридоре: на облупившейся штанге одиноко висела новенькая голубая дубленка с опушками на рукавах и карманах – женская.

– Хм… Что же, этот гость даже без верхней одежды сюда пришел, в одних трусах? – пробормотала Ада, выворачивая чужие карманы.

– Что вы делаете?!

– Одну минуточку…

На белый свет появился плотный картонный листок.

– Ну, открытка, ну и что?! Оставьте это следователям! – сказала я в величайшем раздражении.

Красиво оформленная карточка действительно оказалась открыткой, причем двойной – по лицевой стороне на фоне пышных цветов порхали два белоснежных голубя, держа в клювах золотое обручальное кольцо. «Приглашение на свадьбу» – гласила надпись, витиевато вытесненная по верху открытки.

А на внутренней стороне приглашения, тоже в красивой витой рамке, читалось:

Вышло так, как мы хотели,
И вот пришел желанный час.
Мы кольца верности наденем:
На свадьбу приглашаем Вас!

Дорогая Ритуся!

Добро пожаловать на Самое Главное Торжество всей нашей жизни. Мы соединим наши судьбы и наши сердца – для того, чтобы никогда не разлучаться, быть вместе и в радости, и в горе, и нести наш общий крест столько, сколько то будет угодно небу!

Виталий

Стихотворный текст вверху открытки был стандартным, напечатанным типографским способом; остальную часть приглашения вывели от руки, чернильной ручкой, ровными печатными буквами.

– Положите это на место! – прошипела я, видя, что Ада, подрагивая тонко очерченными ноздрями, борется с искушением взять открытку с собой – а попросту говоря, намеревается стащить с места преступления не принадлежащую ей вещь.

– Уважаемая Зоя Яковлевна, может быть, это вовсе и не улика.

– Положите ее на место!

С явной неохотой Ада сунула открытку обратно в карман плаща.

Через минуту к нам ворвался взбудораженный милицейский капитан. Сейчас, волнуясь и азартно блестя глазами, он действительно был похож на мальчишку. Даже странно – опыта у него нет в таких делах, что ли?

– Я уже вызвал следственную группу из убойного отдела, – все еще задыхаясь от спешки, заявил он нам. – И в прокуратуру сообщил…

Мы переглянулись. Не знаю, что подумала Ада, но меня лично дурные предчувствия царапнули ржавыми граблями прямо по сердцу.

Если уж говорить об Аде, то было не похоже, что ее терзало нечто подобное. Во всяком случае, она довольно уверенно повела плечами, скидывая шубу (на руки капитану, конечно, причем она даже не оглянулась на него – чувствовала, что очарованный ею милиционер непременно постарается уловить каждое ее движение). Оставшись в длинном се-

ребряном парчовом платье, блестевшим, как рыбья чешуя, она прошла на кухню и мирно села боком у стола, попутно взяв с телефонной тумбочки какой-то журнал.

У меня сложилось впечатление, что она немного хитрила. Не в том смысле, что скрывала от нас нечто такое, что помогло бы понять и объяснить весь этот ужас, а просто она знала или с большой степенью вероятности догадывалась, что сейчас произойдет. Во всяком случае, она и бровью не повела, когда в комнату вошел, привнеся с собой холод морозной ночи, следователь прокуратуры Алексей Федорович Бугаец. Так он представился.

Уставившись на Аду багрово-красными от постоянного недосыпания глазами, он на мгновение остановился на пороге, словно увидел змею или еще что-то столь же ужасное. Папка с бумагами, которую он держал под мышкой, соскользнула и шлепнулась на пол, следователь этого не заметил.

Я-то видела его первый раз в жизни, но об Аде этого ни в коем случае нельзя было сказать. Уж не знаю, что такого сделала эта женщина этому вполне приличному на вид работнику прокуратуры, но, увидев ее, повторяю, он изменился в лице.

– Как?! Это опять вы?! – даже не сказал, а как-то взвизгнул он, остановившись посреди кухни.

– Вы удивительно прозорливы, друг мой, – ответила она, сияя улыбкой, в которой неуловимо читалось что-то изде-

вательское. Но это издевательское одновременно было прикрыто таким толстым слоем наносного дружелюбия, что только опытный глаз смог отличить бы зерна от плевел.

– Вы… вы сделаны не из ребра Адама, как все женщины, – выдавил из себя Алексей Федорович. – Вас слепили из его желчного пузыря!

– А вас – из копчика, – невозмутимо парировала Ада, перелистывая очередную страницу.

Бугаец повернулся ко мне на каблуках, как ракета на стапелях:

– Так. Все. Ясно. Все. Попрошу рассказать, что здесь происходит!

За время моего рассказа выражение лица прокурора калейдоскопически менялось от просто злого до жестоко-свирепого. Как я поняла, он просто не мог поверить, что Ада появилась на месте событий последней. Напротив, Бугаец подозревал, и не считал нужным это скрывать, что именно она-то все и подстроила.

– Значит, подкинули ребенка? А с ним и пистолет? А спустя минуту появилась вот эта дамочка, поднялась в чужую квартиру, и вы все вместе обнаружили там два трупа? Ну надо же, как повезло! – выходил из себя следователь.

– Да. Просто счастье улыбнулось, – невинно кивала и улыбалась Ада.

– И, конечно, вы появились здесь, потому что вам что-то там такое нашептали небеса?

– И тут вы не ошиблись, – при этих словах Ада стала вдруг серьезной, и налет необъяснимой для меня иронии (по моему мнению, ирония и прокурор – две вещи несовместные) на лице прокурора обозначился еще яснее.

Бугаец хотел еще что-то сказать, может быть, даже оскорбить (свидетеля при исполнении), но тут в квартире, а точнее, в кухне, где все это происходило, вновь возник взволнованный капитан.

– Там… я свидетеля нашел! – крикнул он и скрылся.

* * *

Свидетель, которого нашел и привел под наши очи инициативный капитан, оказался нашим дворником – вернее, нашим бывшим дворником Аркашей. Несмотря на то что Аркаша проработал дворником на нашем участке несколько лет (уволившись лишь недавно, в связи с болезнью матери), я лично о нем мало что знала.

Он был очень маленького роста (ниже меня!) и такой невзрачной комплекции, что со спины его можно было принять за шестиклассника. Аркаша смущенно топтался за спиной у милиционеров, пока те буквально не вытолкнули его в центр комнаты.

– Я… Я, собственно, ничего такого… – бормотал он стандартную фразу, поочередно поворачивая к нам непропорционально большую голову и моргая глазами. Глаза его скры-

вались за огромными неуклюжими очками в роговой оправе. Линзы в очках давали сильный «плюс», и глаза этого человечка походили на плавающих в аквариуме круглых серых рыб.

– В квартиру, где убитые, направлялся, – пояснил капитан, протягивая Бугайцу засаленный паспорт. – Говорит, он – хозяин.

– Хозяин чего? – Бугаец пролистнул странички паспорта.

– Хозяин квартиры.

– Видите ли, – голос у свидетеля был очень высоким, почти женским, – я, собственно, шел получить с моей квартирантки квартирную плату. Я тороплюсь, и… И кто-нибудь может мне объяснить, что здесь произошло?

– Да. Сейчас, – сказал ему следователь и обернулся к капитану: – Послушай, Дубков! Зачем же ты именно сюда свидетеля-то притащил?!

– А куда мне его? – обиделся ретивый служака. – Что вам с ним, рядом с трупами беседовать? Тут же тоже квартира однокомнатная, да криминалисты еще работают! Только в кухне и есть свободное место, чтобы поговорить!

– Ка… ка-аких тпуров? – выдавил Аркаша, от испуга даже перепутав буквы в ужасном слове. – Где? В моей кравтире?!

Рыбообразные глаза за враз замутневшими стеклами заморгали часто-часто.

– Воды? – сердечно предложила я. Схватила стакан и забулькала бутылкой с лимонадом.

– Спа…сибо, – сказал «свидетель», вытирая дрожащей рукой наморщенный лоб. – Можно, я это самое… сяду?

Не дожидаясь ответа, он опустился на свободный стул.

– Аркадий Викентьевич Таратута, 1963 года рождения, – продиктовал Бугаец капитану, который опять присел за свои протоколы. Я удивилась: щупленькому Аркаше уже сорок с лишним лет от роду! Не знала, да и вообще – кто бы мог подумать?

Прокурор захлопнул паспорт и, передав его маленькому человечку (тот машинально принял документ и долго засовывал его дрожащими руками во внутренний карман грязной куртки), веско сказал:

– Вы действительно прописаны в квартире сто сорок один. Но, – Бугаец поднял вверх длинный тощий палец, – как сами только что признались, эту квартиру вы сдаете. Кому? С какой целью? С какого времени? По какому адресу проживаете фактически?

– Я за городом живу, у матери, – пробормотал Таратута. – Уже года три тому назад переехал, у нас там хозяйство… А квартиру сдаю по необходимости. Из-за денег. Мать моя болеет сильно, деньги нужны, а где их взять? Я безработный. Иногда соседям дров нарубишь – вот и весь приработок. А так только хозяйством и кормимся. У нас огород большой, куры…

Все это было чистая правда – уж я-то знала.

– Кому сдаете, с какого времени? Сколько жильцов сме-

нили за все время? Фамилии можете назвать, имена?

– Жильцов я не менял, ни разу. Только одной Рите и сдавал. С самого дня, как переехал. Она сама предложила.

– Что предложила?

– Переезжай, говорит, Аркаша, к матери, а я к тебе перееду. Мы давно знакомы, еще с тех пор, как я тут, в доме, дворником работал. Я тут дворником, – пояснил он, зачем-то обернувшись к Аде, – лет двадцать с лишним… Пока мать не заболела. А Рита на два этажа ниже жила. В сто тридцать восьмой. Но у них тесно: многодетная семья, пятеро детей в трехкомнатной, еще родители… А что, – дворник тяжело сглотнул и сжался на стуле, как запуганный ребенок, – Риту убили? Неужели правда?!

– Увы.

– А… кто? Хотя да, я понимаю. Вы расследуете. Но… как же это? Вчера только с ней по телефону говорил… И назначила она мне к семи утра прийти, за деньгами, значит… Я и пришел, то есть шел, ах ты, как все получилось-то…

Аркадий Викентьевич обеими руками вцепился в сиденье и еще больше поджал маленькие ножки в ботинках совсем детского размера. На голове у незадачливого хозяина квартиры № 141 красовался блинообразный зеленый берет, и сейчас он вполне гармонировал с цветом его лица.

– Процедура сдачи квартиры оформлена как положено?

– Нет, – пискнул наш хорошо поживший Мальчик-с-пальчик. – Мы так, на словах договорились… Знакомы были дав-

но, Рита сказала – зачем какие-то бумаги? Раз в месяц, первого, говорит, числа приходи. Я и приходил. Она исправно платила, аккуратно.

– Одна жила ваша жилица?

– Одна как будто бы… Но я сильно не присматривался. Дальше порога она меня не пускала. Да я и сам не шел.

– Три года она жила, говорите?

– Да…

– Никуда не отлучалась за это время?

– Не замечал я… Говорю вам, раз в месяц только здесь и бывал.

– Она рожала? – вдруг резко спросила Ада.

– Что? – рыбы за очками-аквариумами всколыхнулись и закачались на волнах недоумения. – Как вы сказали?!

Ада нетерпеливо повела головой, взметнулись рыжие локоны.

– Я спрашиваю, дети были у этой… Риты?

– Да нет, – удивленно протянул Таратута. – Какие дети? Нет…

– Так. А оружие? У вас или у вашей жилички было оружие?

– Како-ое еще ору…

– Пистолет, например?

Вместо ответа человечек только снова недоуменно хлопнул глазами – за очками вновь всколыхнулись волны.

– Позвольте-ка, – вмешался Бугаец. Слегка пристукнув

пальцами по ручке кресла, чтобы привлечь к себе внимание, он попытался проявить инициативу в допросе: – Послушайте, как вас, простите? Аркадий Викентьевич! Вы сказали, что двадцать лет работали дворником, в том числе и в этом доме. И убитая девушка, Рита, была дочерью ваших соседей – ведь так?

– Да. Да!

– В таком случае, можно, наверное, сказать, что она выросла на ваших глазах.

– Ну… Пожалуй…

– Ага. Ну так и расскажите нам о ней. И не жмитесь вы так – держитесь свободнее! А то мы с трудом понимаем то, что вы говорите. Ну?

– Так… А что сказать?

– Ну боже ж ты мой, да все! Сколько было ей лет? Как она жила? Чем занималась? Где работала? С кем дружила? Был ли у нее постоянный… скажем так – парень?

Все эти вопросы свидетеля Таратуту донельзя смутили. Рыбы за очками замерли и уставились на следователя, словно прилипнув к стеклам.

– Ну?!

– Как вам сказать… Я, собственно, знаю только ее возраст – двадцать ей исполнилось, как раз в конце октября. А больше… Как жила да чем занималась – этим я не интересовался. Не касается это меня, да и никого не касалось. За последние годы у нас здесь столько жильцов сменилось! Люди съезжа-

ются, разъезжаются, старые квартиры на новые меняют, переезжают, так сказать, из хижин в дворцы и обратно – и никто друг с другом не знакомится… тем более – не дружат, так, во дворе иногда кивнет кто-то… и то не всегда. Правда, есть пенсионерки, которые во дворе дежурят, – эти-то, конечно, многое видят… Да. А про семью Ритину я уже вам сказал… Вот об этой семье, конечно, все знали. Семеро детей – родителям трудно приходилось. У кого из жильцов что-то лишнее в доме образовывалось или вещи были какие-то, из которых дети выросли, – все к Чечеткиным несли.

– Чечеткины – это их фамилия?

– Да. Вот. Рита – вторая дочь у них. Старшая – Татьяна, она замужем уже. После Риты двое мальчишек идут, затем девочка опять и… еще две девчонки. Две последние еще в детсад ходят, остальные школьники. Еще что? Не знаю я больше ничего, простите. Не интересовался.

– Ага. Так, а где работала Рита?

– Не знаю. Не интересовался, – как можно тверже повторил Аркаша.

– А мне кажется, Аркадий Викентьевич, что вы скромничаете! Зачем бы двадцатилетней девочке уходить из дому, а главное – откуда у нее деньги на то, чтобы снимать отдельную квартиру? Да еще такую, основной меблировкой в которой служит этакая пикантная деталь, как большая двуспальная кровать. А?

Маленький человечек резко покраснел. Только сейчас по-

чувствовав, что по-прежнему сидит в головном уборе, он стащил с головы чудовищный берет и начал мять его в руках.

– Не знаю я ничего…

– Да полноте! Чтобы хозяин квартиры хотя бы раз не поинтересовался, что происходит на его законной жилплощади? Быть такого не может. Я скажу вам, на какие деньги на самом деле жила Рита, тем более, что это уже и так ясно. Она водила к себе мужчин. Так?

Таратута молчал.

– Так?!

– Да… – прошептал горемыка.

– Иначе говоря, занималась проституцией, – продолжал разоблачать покойницу следователь. – Жаль, погубила себя девочка… Хотя смерть Риты может быть и не связана с ее, так сказать, профессиональной деятельностью. Хорошо, еще вопрос: девушку кто-нибудь контролировал? Иными словами, извините за грубость – у нее был сутенер?

– Я ничего не знаю! – Таратута вытянул руку с беретом, загораживаясь от следовательского напора. Глаза за толстыми стеклами обрели затравленное выражение. – Я ничего не знаю! Ничего! Она предложила платить за квартиру, я согласился… Иногда приходил, заставал у нее мужчину, всегда разных… Я их даже не видел толком! Так только, временами, больше случайно, ну, из ванной кто-то выходил или в коридор вываливался, пьяный… Сама она чуть не голая по квартире прохаживалась, даже меня не стеснялась. Вот и все.

Все! Не знаю я ничего больше, и ее никогда не спрашивал – вы что думаете, она бы откровенничать со мною стала?!

Конечно, мы так не думали. Внешний вид нашего визави к откровенности не располагал.

– Ясно! – Бугаец откинулся на спинку кресла и закатил глаза, положив обе руки на скатерть. Его мозг переваривал полученные сведения.

– Я бы хотел… мне бы… уйти, если можно. Поздно уже, а еще на электричку надо успеть до дому, – несмело обратился Аркаша к следователю.

– А? Ах да. Ну что ж, пойдемте.

– Куда? – пискнул Аркаша и опять весь подобрался на стуле, засучив ножками.

– В комнату. Вам надо опознать их.

– Кого?

– Убитых.

– Я не… я не хочу. Я боюсь! – взмолился Аркаша.

Но Бугаец к мольбам свидетеля остался глух. Вместе с капитаном они подхватили под руки отчаянно трусившего Аркашу и потащили его на место преступления.

Мы остались сидеть.

– Конец октября. Но что при данных обстоятельствах можно считать концом октября? – пробормотала Ада как бы сама про себя.

– Простите?

– Я говорю, что кое-что не состыкуется.

– Что именно?

Она посмотрела на меня чуть прищуренными глазами, по-кошачьи светившимися в полумраке кухни, и не ответила. Я хотела сделать ей замечание – нельзя оставлять без внимания вопросы того, кто старше тебя по возрасту, но Ада, быстро наклонившись ко мне, обдав меня еле уловимым ароматом терпких, но в то же время таких же завораживающих, как и она сама, духов, быстрым шепотом сама предложила мне вопрос:

– Вы непременно захотите довести это дело до конца, я знаю. Вы – Козерог, а люди этого знака честолюбивы: во время вашего дежурства в доме произошло ЧП, и этого вам не сможет простить… нет, не общественность и не жильцы, а вы сами! Вы считаете себя отчасти виноватой в том, что случилось, и не будет вам покоя, пока вы не узнаете, кто убийца. Следовательно, это почти неизбежно: вы начнете собственное расследование. Я предлагаю вам свою помощь, Зоя Яковлевна. И поверьте, от такой помощи не отказываются.

Эта самая Ада как в душу мне заглянула. Вялый и весь какой-то надутый следователь Бугаец и в самом деле не внушал мне большого доверия. А мысль о том, что убийца находится среди жильцов вверенного мне подъезда… Или что я сама его впустила – вот уж от чего меня обдало с ног до головы холодной водой, как из душа окатило. Да, я действительно собиралась кое-что выяснить самостоятельно.

– Если вы думаете, что я пойду против закона и сделаю

что-либо недозволенное…

Она протянула руку, как бы накладывая запретную печать на все, что я хотела сказать дальше:

– О нет, я так не думаю. Козерог никогда не пойдет против закона. Закон и порядок – те два столпа, на которых, по мнению Козерогов, держится мир. Деловитость, организованность, верность, терпеливость, настойчивость и дальновидность – все это сказано о вас, и даже речи быть не может о том, чтобы склонить вас к какой-то авантюре. Я предлагаю вам свою помощь – помощь, а не сообщничество.

– Почему вы все время твердите, что я Козерог? И кстати, как вы вообще об этом узнали?

Ада кивнула, словно ждала этого вопроса:

– Вы согласились взять дежурство в новогоднюю ночь – это говорит о вашей верности делу и готовности поступиться ради него даже личными удобствами. Первый признак Козерога. Версию о том, что вы согласились на это дежурство за особое денежное вознаграждение, я отметаю сразу: вы хорошо одеты, хорошо выглядите (как и почти все Козероги) и не производите впечатления женщины, испытывающей материальные затруднения. Потом, у вас на столе я заметила вязание: рукоделие, такое немодное сегодня, тем не менее всегда привлекает женщин-Козерогов. Далее – вы вязали не что-то абстрактное, типа салфеточки или скатерочки, а детскую вещь определенного размера. Значит, у вас есть внук или внуки, с которыми вы состоите в хороших отношениях.

Конечно, это можно сказать почти о любой пожилой женщине, но далеко не все бабушки согласятся провести новогоднюю ночь отдельно от детей и внуков. Вы – согласились. Это говорит о вашей готовности предоставить детям и внукам определенную свободу. Что тоже указывает на вашу принадлежность к славному семейству Козерогов. Ну как, я вас убедила?

– Не понимаю, как в расследовании, на которое вы меня все время подбиваете, – тут я, конечно, немного покривила душой, – может пригодиться то, что я – Козерог.

– Увидите. В расследовании все может пригодиться! Даже то, что погибшая девушка Рита – несомненно, Весы.

Я хотела спросить, при чем тут Весы и как она вообще догадалась, что Рита – Весы, но тут в кухню снова вошел следователь. За его спиной маячил возбужденный капитан.

* * *

Начался допрос, объектами которого теперь стали мы с Адой.

– Кто из незнакомых вам людей, не проживающих в этом подъезде, входил в дом за время вашего дежурства? – спросили меня.

Я перечислила всех: несколько человек гостей, поднявшихся в те-то и те-то квартиры еще до полуночи, Деда Мороза, который шел к Чечеткиным, и… и вот этого, лежавше-

го сейчас на полу с пулевым отверстием в спине.

Дед Мороз заинтересовал всех:

– И что, этот Дед как поднялся в квартиру к ребятишкам, так до сих пор оттуда и не спустился?

– Во всяком случае, за то время, пока я находилась на своем посту, – нет, – уточнила я.

– Капитан! – обернулся следователь. – Немедленно в…

Он вопросительно посмотрел на меня.

– Сто тридцать третья, – пришлось подсказать ему номер квартиры родителей погибшей Риты. – Это двумя этажами ниже.

– Немедленно туда. Хватай этого Деда Мороза, если он там, и тащи сюда прямо во всей амуниции!

Капитан исчез, а Бугаец оборотился к Аде:

– Уверен, что мой вопрос на тему «Что вы тут делаете?» вас не напугает!

– Не напугает, – мирно сказала Ада, – но и не удивит. Я пришла сюда убедиться, что девушка Маргарита Михайловна Чечеткина смогла избежать грозящей ей опасности. К сожалению, я опоздала.

– Да, к сожалению, опоздали, – передразнил Бугаец, еле сдерживаясь от нарастающего раздражения. – Но, несмотря на столь печальное опоздание, вы, конечно, не откажете ответить следствию на вопрос, о какой опасности вы говорите и как о ней узнали?

– Не откажу, Алексей Федорович, не откажу. Но боюсь,

что мой ответ вам опять не понравится.

– Снова ваши зодиаки и планеты, да? Не морочьте мне голову!

– Тогда мне остается только молчать. Увы…

– Нет, говорите!

– Что ж… Маргарита Чечеткина – одна из моих клиенток. Недавних. Около недели назад она пришла ко мне на прием и попросила составить для нее натальную карту. Вернее, она попросила составить карту на, как она сказала, «одного моего друга». Оставила все его данные – дату рождения, место, время.

– О господи…

– …что и было мной сделано, разумеется, за хорошее вознаграждение. За результатом Маргарита должна была прийти еще два дня назад. Но не пришла. А между тем в этой карте совершенно четко проступила оппозиция Меркурия к Сатурну – грозное предзнаменование, предвещающее интриги, коварство, переоценку собственных сил и в конце цепи – угрозу здоровью и жизни. Несмотря на то что вы обо мне думаете, Алексей Федорович, такое качество, как человечность, мне отнюдь не чуждо. Поэтому, прождав Маргариту до последнего момента, я решила навестить ее сама и предупредить, что нужна осторожность. Но не успела…

– Вы же сказали, что она просила составить гороскоп…

– Не гороскоп, а натальную карту.

– Один черт! Что она просила составить эту филькину

грамоту не на себя, а на кого-то другого?

– Да. Но этот человек был ей близок. И Маргарита не скрывала, что ее заинтересованность в будущем этого человека основывается на том, что в дальнейшем она хочет связать с ним свою судьбу. Поэтому я рассчитала, что опасность для ее знакомого может означать опасность и для нее самой.

– И, как вижу, не ошиблись, – Бугаец кивнул в сторону зала, где прибывшие эксперты заканчивали исследовать тела и саму комнату. – Обоих и шлепнули.

– Вот здесь вы ошибаетесь, – все так же мирно заметила Ада.

– Что?!

– Я сказала, что вы поторопились с выводами. Мужчина, которого мы нашли рядом с Ритой, – не тот человек, ради которого она приходила ко мне.

– Вот как? Почему же?

– Потому что этому человеку на вид уже хорошо за сорок. А человек, интересовавший Маргариту, родился девятого марта 1976 года.

– М-да, – Бугаец с раздражением постучал по столу концом карандаша. – Будем считать, что предварительный допрос закончен. Пока только предварительный. Распишитесь… И вы свободны.

«И глаза бы мои тебя больше не видели», – читалось на его лице недосказанное.

Я едва успела вслед за Адой поставить свою подпись в

протоколе, как в кухню ворвался по-прежнему возбужденный капитан:

– Эти… Чечеткины… никакого Деда Мороза они к себе не вызывали! Вот! Он к ним вообще не заходил! И к другим соседям тоже – я обежал всех! Но он тут был, точно был! И ушел через чердак! Там люк открыт на крышу. И вот! На чердаке и нашел – за антенну зацепилось!

В руке у него был заблестевший в электрическом свете клок белой синтетической бороды.

* * *

После этого Бугаец поспешил выставить нас из квартиры вон. Да мне и самой не больно-то хотелось там оставаться.

Я вернулась на свое место – в «стакан» консьержки, а Ада, словно это подразумевалось само собой, последовала за мной.

– Как страшно это все, – сказала я задумчиво. Больше самой себе, чем Аде.

Но она кивнула мне, аккуратно укладывая шубу, которую несла в руке, на край диванчика.

Я продолжила, медленно и раздумчиво, не в силах заставить себя оторваться от всей этой истории:

– Получается не только страшная, но и в высшей степени странная картина: некто убивает девушку (заметьте, убивает вовсе не из пистолета!) – представительницу древней-

шей профессии, хотя это еще ничем не доказано, и ее любовника, причем последнего он угощает выстрелом именно из огнестрельного оружия. Допустим, это еще куда ни шло. Но этот же убийца зачем-то уносит с собой верхнюю одежду убитого мужчины – всю, без остатка! – а потом подбрасывает под дверь соседям грудного ребенка и пистолет, из которого стрелял…

Ада внимательно выслушала меня и спросила, склонив голову набок:

– Зоя Яковлевна, а что, Рита Чечеткина действительно была… проституткой?

– Не могу в это поверить, – сказала я то, что давно жгло мне сердце. – Такая приветливая, приятная девушка.

– Ну, девица легкого поведения – это не всегда вульгарная, грубая и размалеванная халда. К ней же приходило много мужчин?

– Да, – нехотя призналась я. – Гости в эту квартиру приходили постоянно. И все мужчины.

Я ждала, что при этих моих словах Ада как-то удовлетворенно кивнет или каким-либо иным способом поставит точку на этом вопросе, но она только нахмурилась:

– И все равно, это странно. Маргарита родилась под знаком Весов. Помните, дворник, то есть бывший дворник, Таратута сказал, что ей исполнилось двадцать лет в конце октября? Конец октября – это может быть и Весы, и Скорпион, но две дорогие чашки из китайского фарфора, обнаружен-

ные нами в бедно в общем-то обставленной квартире, указывают именно на Весы, которым свойственно интуитивное эстетическое понимание красоты. Будучи равнодушными к уюту и комфорту в целом, не обладая склонностью к ведению хозяйства, люди этого знака отождествляют себя с понятиями элегантности и изящества. Если дама-Весы живет одна, она не будет готовить себе обед, ограничившись бутербродом и чашечкой кофе, но зато красиво сервирует стол на одну персону. Она может жить в бедности, но обязательно будет иметь в личном употреблении хотя бы одну-две дорогие и действительно изящные вещицы. Кроме того, Весы пойдут на все, чтобы избежать контакта с людьми, которые оскорбляют законы этики и хорошего вкуса. Вывод: нет, проституция никак не укладывается в характеристику этого знака.

– Но мужчины…

– Они не обязательно приходили к Маргарите с этой целью.

Мы замолчали. Телевизор доносил до нас приглушенные звуки концерта, который уже почти заканчивался.

Заканчивалась и эта новогодняя ночь.

* * *

Вернувшись с дежурства, я первым делом разбудила младшего сына – хоть и первое января, и праздник, но у него

сессия, пусть сидит и готовится к экзаменам. А перед тем, кстати сказать, отвезет меня в одно место.

Я включила на полную мощность радио на кухне. По этому радио пел, нет! – блеял во все свое луженое горло какой-то певец из новомодных. Голос у него был такой пронзительно-гнусавый, что Сашку от него не спасал даже тройной слой одеяла, который он со стоном намотал себе на голову.

– Сын! Подъем! – я стояла у кровати и сдирала с него это одеяло. – Сессию проспишь, из института исключат, профессии не получишь, побираться пойдешь!

– Мммммм… – донесся до меня глухой стон из-под одеяла.

– Давай-давай! – не уставала я его тормошить.

В конце концов, сыну пришлось-таки подняться. Он сел на кровати, отчаянно зевая. Настроение у него было самое что ни на есть похоронное.

– Всего три часа и поспал, – пожаловался он.

Новый год Сашка встречал в кругу своих студенческих товарищей.

– Поучишь немножко, позавтракаешь, принесешь пользу себе и обществу, потом снова ляжешь поспишь. А перед этим отвезешь меня кое-куда.

– Куда?

– Вставай и умывайся!

– Вот скажи мне, – проворчал он, со стуком захлопывая челюсть после очередного зевка, – ну куда ты пойдешь в та-

кую рань? Да еще после дежурства! Куда ты сейчас меня потащишь?

– На помойку.

– Что?!

– Я говорю, что ты должен отвезти меня на помойку! – прокричала я ему уже из кухни.

Остатки сна слетели с Сашки в два счета.

– Родного сына – на помойку?!

– Именно!

– А ты не поторопилась? Я еще на что-то гожусь!

– Вот именно поэтому!

Он выкатился из комнаты и остановился на пороге кухни с таким оскорбленным и одновременно вопросительным видом, что я на время прекратила сторожить сковородку с дежурной утренней яичницей:

– Детка, когда ты умоешься и приведешь себя в порядок, я все тебе объясню…

После того как сыном была исполнена моя несложная просьба, я в нескольких словах рассказала ему о том, что произошло этой ночью. Конечно, мне бы ничего не стоило оставить мальчика в полном неведении относительно ужасных событий, но таково уж было мое правило – быть с детьми честной. Это всегда приносит плоды: старшая дочь, которая давно уже жила от нас отдельно, со своей семьей, до сих пор видит во мне лучшую советчицу по поводу любых жизненных перипетий.

Рассказ о двух убитых потряс Сашкино воображение. Что не помешало ему, впрочем, уплетать завтрак за обе щеки.

– Понимаешь, – говорила я через полчаса, пододвигая ему чашку с кофе и забирая пустую тарелку, – все это время мне не дает покоя одна загадка.

– Которая из всех?

– Загадка исчезнувшей одежды этого убитого вместе с Ритой мужика. Я прекрасно помню, что на нем были пальто, кашне, под пальто что-то вроде свитера и так далее. Спрашивается: куда это все делось? Первой приходит в голову, конечно, версия о том, что одежду забрал убийца. Отсюда плавно вытекает второй вопрос – зачем?

– Ну и?

– Думаю, затем, чтобы убитого долго не могли опознать. Но! Тащить на себе большой тюк чужих вещей – глупо, да к тому же и подозрительно. Но в нашем случае похищенную одежду убийца, загримированный под Деда Мороза, сложил в свой мешок и унес. И, появившись на улице с мешком за спиной, в своем маскараде не вызвал ни у кого подозрений.

– Да. Логично… в этом что-то есть, – согласился Сашка, немного подумав. – Но какая связь между этими выкладками и тем, что ты рвешься посетить городскую помойку?

– Детка! Представь на минуту, что ты убийца. Вот ты несешь в мешке чужие вещи, миновал трудную территорию, где тебя могут узнать, и оказался в безопасности. Что ты будешь делать дальше?

– Ну… Постараюсь избавиться от вещей, конечно.

– И куда их денешь?

– Выкину, – сказала Сашка, начиная понимать, куда я клоню. – Сброшу в первый попавшийся мусорный контейнер. Во-первых, чтобы следы запутать, во-вторых, тащить по городу дальше, как ты говоришь, этот тюк небезопасно: менты могут задержать и поинтересоваться, что это у меня там такое…

– Браво, – снизошла я до похвалы. – Теперь ты, надеюсь, не будешь спрашивать, какая связь?

– Но, мать! – возмутился он и даже стукнул чашкой по столу. – Не станешь же ты сейчас в поисках одежды – пусть ты даже знаешь, как она выглядит, – обшаривать всю городскую свалку? Ты хотя бы представляешь себе, сколько места занимает эта помойка? Не меньше гектара!

Я отошла от раковины, вытерла руки цветастым кухонным полотенцем, села напротив Сашки и постучала пальцем сперва по своей голове, а потом по корпусу телефона, висевшего на стене в нашей кухне:

– Запомни, сынок! При помощи головы и телефона в этом мире можно сделать все, кроме, пожалуй, детей. Я уже позвонила в учреждение под названием «Спецавтохозяйство». И узнала, что мусор, вывозимый из прилегающих к дому убитой Риты дворов, вывозится и сваливается не как попало, а упорядоченно! Интересующему участку на нашей помойке отведен сектор номер шесть.

* * *

Свалка.

Огромное – сколько захватывает глаз – пестрое поле, над котором кое-где поднимается седоватый дымок… Воздух здесь настолько загустел от зловонных испарений, что его можно было резать на куски. Конечно, если при этом вы сумеете подавить в себе рвотные спазмы; мне это удалось с трудом.

В беспорядке, который трудно было бы назвать живописным, там и сям по полю были раскиданы коробки, мешки и сетки с отбросами; но бóльшая часть этих отбросов была свалена безо всякой тары – как попало. Все это запорошило снегом. По этому полю разгуливали, ходили и ползали люди самого разного калибра и пола, разыскивая в куче мусора какие-то сокровища – свалка с ее обитателями очень походила на громадный муравейник.

Сашка притормозил наши старенькие «Жигули» в небольшом отдалении от этого помоечного царства.

– Сектор номер шесть, сектор номер шесть… вот он! – воскликнул он, указывая на маячивший впереди деревянный столб с прибитой к нему треугольной, на манер дорожного знака, железякой. На этом наспех сколоченном указателе и была намалевана искомая мною шестерка.

– Ну, я пошла, – сказала я, вылезая из машины. – А ты

уезжай, не маячь тут. Встречаемся через три часа!

– Ты только, пожалуйста, поосторожнее, – попросила сын. Он смотрел на меня с плохо скрытой тревогой. – Смотри, чтобы тебя здесь не съели.

Под ногами хрустели осколки, звенели какие-то железки, чвакали смрадные болотца. Один раз я чуть было не поскользнулась на осклизлой картофельной шелухе, в другой – налетела на спавшего под чистым небом, прямо на лежалом снегу, оборванного бомжа, на груди его лежала табличка из упаковочного картона.

– «Не беспокоить», – прочитала я на ней. Надо же! Прямо гостиничный сервис, хм!

Выбравшись на более-менее сухой пригорок, я пристально оглядывала окрестности. Ничего не было видно, а тут еще эта вонь, от которой даже глаза слезятся… От этого амбре я закашлялась, потом чихнула.

– Женщина! – приоткрыл гневное око бомж с табличкой. – Прекратите это немедленно!

– Что прекратить?

– Инфекцию распространять!

Фу-ты, ну-ты, стерильный бокс хирургической палаты! Ветер донес до меня весть о приближении еще одного опустившегося собрата по разуму. Подошедший собрат был настолько пахуч, что почти заглушал собой все прочие помоечные ароматы.

– Слышь! – сказал мне собрат. – Ты не на месте встала.

Отойди-ка.

– Почему? – спросила я, машинально делая шаг влево.

– Это место для другого, – пояснил мужичок, запуская грязную руку прямо к себе в штаны. – Это моя уборная.

– Че-го?

– Писаю я здесь всегда, – сказал бомж и зашарил в штанах еще более сосредоточенно.

Я отпрыгнула подальше, приставила ладонь к глазам, вгляделась – и решительно направилась в самое сердце помойки.

Не буду рассказывать, как я рылась в отбросах и гнили, перебирая затянутыми в рабочие перчатки руками мусор и стараясь делать как можно бóльшие перерывы между вздохами. Скажу только, что мое предприятие увенчалось успехом: в одной из особо благовонных груд мусора, под прикрывающими «клад» картонками и останками пластиковых бутылок, я заметила выступающий из ямы край тряпичного узла. Поднатужилась, крякнула – и черный узел выдернулся из кучи, как громадная репка.

Через три часа я уже волокла объемный, но нетяжелый тюк к ожидавшим меня «Жигулям». Сашка сидел на приступочке машины и смотрел на меня во все глаза.

– Грузим!

Тяжело-тяжело вздохнув, Сашка подошел ко мне, отщелкнул крышку багажника, сковырнул туда все это добро, захлопнул и буркнул, не глядя на меня:

– Все, мать, поехали. Пока мы тут какую-нибудь дизентерию не подцепили! Запомни: сейчас приедем домой, я разведу в ванне марганцовку… целое ведро и запихну тебя туда – отмокать! На всю ночь.

– Детка, не грозись, – сказала я устало. – Некрасиво так разговаривать со старшими.

– А то, что ты творишь, – красиво? Я тебя вообще не узнаю! Что хоть в узле?

– Все, что нужно. И пальто, и брюки, и рубашка, и свитер, и носки, и ботинки… Очень хорошего качества, кстати говоря. И вид неплохой, слегка только попорченный.

– То есть?

– То есть в крови и с дырками. От пуль.

Машина с визгом затормозила у обочины. Нас здорово тряхнуло, а меня так даже и шарахнуло бедовой головой о стекло – но Сашка, враз позабывший о былых обидах, не обратил на это внимания и с горящими глазами перегнулся ко мне через сиденье:

– Одежда с дырками от пуль?! Вот здорово!

На мой взгляд, в таком печальном факте, как наличие в мусорной куче простреленной и залитой кровью одежды, не было ничего «здоровского». Но этих современных мальчиков хлебом не корми – дай послушать про кровь и пули!

– А еще что?

– В кармане пальто я нашла бумажник. И не пустой! Фотография некоей особы, визитные карточки и деньги – три-

ста рублей.

Я говорила это, положив к себе на колени потертый до рыжины кожаный бумажник с кнопочной защелкой и поочередно выдергивая из-под прозрачных кармашков небольшую фотографию черноглазой девушки с толстой косой, три сторублевые купюры и штук десять черно-белых визиток:

– «Поляков Глеб Владимирович, кандидат экономических наук, заместитель губернатора по строительству», – прочитала я на одной из карточек. На остальных было то же самое.

– Из чего естественным образом вытекает вывод: убитого звали Глебом Владимировичем Поляковым, – бодро сказал Сашка, снова поворачивая ключ в замке зажигания.

Я же размышляла, откинувшись на сиденье и закрыв глаза. Итак, если допустить, что убитый вместе с Ритой господин и есть Глеб Владимирович Поляков – а вероятность этого допущения достаточно высока, – то получается такая картина: убийца лишил жизни девушку, а затем несколько раз выстрелил в мужчину, как видно, справедливо опасаясь, что с соперником такого вида и комплекции в равном бою ему не справиться. Когда Поляков падает, сраженный тремя выстрелами в спину, преступник добивает жертву в лоб – именно это пулевое отверстие мы с Адой и видели… Затем он раздевает убитого до дезабилье. Зачем он это делает – понятно: хочет представить дело так, что Рита и Поляков были любовниками, тогда как на самом деле они таковыми не яв-

лялись. Да, но с какой целью? Очевидно, чтобы пустить следствие по ложному пути, натолкнуть, например, на мысль об убийстве из ревности… Затем он уносит одежду, чтобы еще больше все запутать и сделать так, чтобы убитый как можно дольше оставался неопознанным. Да. Картина этого преступления нам более или менее ясна. А вот дальше… Дальше начинаются сплошные загадки. Откуда в руках убийцы оказался трехмесячный младенец? Почему он подбросил его под дверь соседской квартиры?

Вопросы, вопросы…

В сумке запел мобильник.

– Я слушаю!

– Зоя Яковлевна, где вы сейчас? – услышала я Адин голос.

– По дороге к себе домой, а что?

– Вас не затруднило бы подъехать к дому, где мы вчера с вами встретились?

– Ну… – я вспомнила, в каком я виде. – Если только не сразу. Давайте через час, устроит?

– Давайте. Очень интересные события начинают разворачиваться, Зоя Яковлевна.

– А что такое?

– Да вот, поймала я кое-кого… Впрочем, все при встрече.

* * *

Через час Ада встречала нас у самого въезда во двор. Она

махнула Сашке, показывая, куда свернуть, – да я и сама видела, что возле подъезда, где мы вчера нашли два трупа и одного младенца, собралась небольшая толпа. Люди стояли кружком, то ли рассматривая, то ли охраняя кого-то – мне были видны только разнокалиберные спины.

– Что там? – крикнула я, выходя из машины.

Не отвечая, Ада схватила меня за руку и со властным криком: «Пропустите работника при исполнении!» – решительно ввинтилась в толпу.

Люди расступались неохотно, но кружок все же разомкнулся. Моему взору предстал сидевший на заснеженной лавочке парнишка в легенькой курточке и сдвинутой к затылку шапке-ушанке. Вид у него было одновременно затравленный и смешной – верхняя часть веснушчатого лица дышала недружелюбием, то же чувство светилось и в смотревших исподлобья глазах, а пухлые губы выгибались плаксивой скобочкой, и из курносого носа текло.

– Может быть, мы в машину сядем? Там поговорим? – оглянулась я на обступивших нас зевак.

– Да, пожалуй.

Под взглядами соседей наша троица прошествовала к «Жигулям». Сашка ничего не спросил – только завел мотор и медленно повез нас со двора.

– Так и будем молчать? – спросила Ада, обернувшись со своего переднего сиденья к задержанному.

Тот шмыгнул носом и отвел взгляд.

– Хорошо… Что ж, придется сдать тебя куда надо, друг мой. Туда, где решетки, наручники и котловое питание.

На парнишку этот психологический трюк произвел гнетущее впечатление. Он еще больше сдвинул брови и, в последний раз с шумом втянув носом воздух, сказал неожиданно низким басом:

– Че это меня сразу в наручники-то?

– А потому что вор должен сидеть в тюрьме! Слыхал такую поговорку?

– Че это вы меня вором обзываете-то?

– А потому что тебя поймали, когда ты чужую квартиру обшаривал!

– Че это я обшаривал-то?

– Ты еще скажи, что уборку там делал!

– Че это я уборку? Меня ейный муж попросил!

– Чей муж?

– А я знаю? Хозяйкин муж!

– Кто он такой? Знакомый твой?

– Че это он знакомый-то? На улице он ко мне подошел…

– Та-ак… Значит, не хочешь нормально на вопросы отвечать?

– Че это я не хочу-то?!

Парнишка нехотя заговорил, и картина из его рассказа складывалась такая.

Колька Дынкин, по прозвищу Дыня, сегодняшнее утро провел в обнимку с одной мыслью – как бы убить время.

В училище, где его одногруппники (большей частью такие же пятнадцатилетние балбесы) пытались освоить премудрости токарного станка, Колька идти не хотел – до него дошли слухи, что мастер-наставник пообещал оборвать ему уши за утерянный инструмент, а Дыня уже имел случай убедиться в том, что после тяжелой руки учителя уши от головы действительно отслаиваются. И посему означенному Дыне не оставалось ничего другого, кроме как болтаться по улицам, засунув руки в карманы.

Развлечение скоро нашлось: он стал пугать спешивший люд, сгребая ногами свежевыпавший и слегка подтаявший на дороге снег в небольшие кучки и прыгая на них с разбегу. От этого во все стороны разлетались грязные брызги, в основном оседавшие на чужих шубах и пальто. Прохожие отшатывались, отряхивались и на чем свет стоит кляли Кольку – и лица у них были такие, что Дыня громко и нахально ржал, предварительно отбежав на безопасное расстояние.

В таких незамысловатых развлечениях Дыня похоронил часа два-три и уже собрался было направиться к выстроившимся неподалеку ларькам с целью выпросить у киоскерши парочку дешевых сигарет, как вдруг почувствовал на плече чью-то тяжелую руку. Обернувшись, он увидел высокого светловолосого мужчину в шляпе, который изучал Колькину физиономию, слегка прищурив один глаз.

– Пусти, – дернулся Дыня. Но неизвестный крепче сжал Дынино плечо – и Колька почувствовал, что его будто вбили

в землю. «Наверно, я его тоже обрызгал», – догадался Дыня и струсил.

– Че это вы меня хватаете-то? – хмуро спросил он, предчувствуя скорую расправу. И, подумав, добавил плаксиво: – Отпустите, дяденька!

– Не дергайся, – спокойно сказал человек в шляпе. – И не хами… племянничек.

– Че это я племянничек-то?

– Слушай, парень, – незнакомец продолжал смотреть на Кольку, прищурившись, – тебе деньги нужны?

– Чего?

– Заработать хочешь, говорю?

– Че это я не хочу-то?

– Отлично, – тип в шляпе оставил Колькино плечо и сунул руку в карман длинного, подбитого мехом кожаного плаща. – Значит, так. Пойдешь вот по этому адресу, – в его руке появилась узкая бумажка, которую незнакомец сунул в Дынину ладонь. – Зайдешь в сто сорок первую квартиру и заберешь оттуда… – он замолчал, снова изучающее глядя на Кольку.

– Че там забрать-то?

– Кассету. Обыкновенную кассету для видеомагнитофона, знаешь такие?

– Ну…

– Там много кассет, но ты возьмешь только одну: с фильмом «Джентльмены удачи». Знаешь?

– Че мне не знать-то?

– В общем, возьмешь эту кассету, принесешь ее мне и получишь… Пятьсот рублей. Пятьсот, понял?

– Понял, – оживился Колька. Разговор приобретал прикладное значение, и к Дыне возвращался деловой настрой. – А кто мне ее даст, кассету-то?

– Никто не даст, дурень! Сам зайдешь и возьмешь!

– Чего? Воровать, что ли?

– Какое воровство, дурак! Просто… просто мы с женой разошлись, имущество поделили, а фильм отдать она забыла – моя это кассета. «Джентльмены удачи» – запомнишь? Люблю я этот фильм, понял? Прямо уснуть не могу, если не посмотрю… Ну как, сделаешь?

– А как я попаду в квартиру-то? – ни единому слову незнакомца Колька, конечно, не поверил. И чем больше крепло в нем подозрение, что дело нечисто, тем больше Дыне хотелось принять участие во взрослой авантюре. Он даже приосанился и нагло «тыкнул» типу в шляпе: – Ты, что ли, ключ мне дашь?

– Да какой ключ, дурында? Квартира открыта. Там, правда, бумажка такая на двери, с печатью, но ты на нее внимания не обращай. Иди прямо в дом, бери кассету – она в тумбочке под телевизором лежит – и бегом ко мне. Получаешь пятьсот в зубы, и мы разбегаемся. Лады?

– А че это ты сам туда не сходишь? – спросил Дыня. Но тип в кожаном плаще только схватил Кольку за нос железными пальцами – и из глаз мальчишки мгновенно брызнул

слезный фонтан.

– Вопросов тебе задавать никто не разрешал, шкет! Пойдешь или нет?

– Бойду, – прогнусавил Дыня, хватаясь за его руку. – Пусти, больдо… черт!

– Вали, – незнакомец оттолкнул Колькину голову и вытер пальцы о его куртку. – Через десять минут на этом месте!

Вот таким образом Колка Дынкин по прозвищу Дыня решился преступить 141-ю статью Уголовного кодекса, которая упреждает граждан от незаконного проникновения в чужое жилище. Откуда ему было знать, что интересующая его квартира с сегодняшнего утра находится под наблюдением!

Моя сменщица Оля, заступившая на дежурство утром и, конечно, быстро узнавшая все подробности ночного происшествия, пропустила Кольку в квартиру беспрепятственно. Но сама, дождавшись, когда Колька уедет на лифте, тут же набрала телефон Ады.

На этом месте я вопросительно уставилась на Аду:

– Вот как! Почему именно вам? Почему не в милицию?

Ада пожала плечами:

– Милиция вашу сменщицу ни о чем не просила, а я – просила. Обещала за каждый новый факт даже заплатить. И слово свое сдержала. Оля позвонила мне, и я тут же оказалась на месте – к счастью, я была совсем недалеко. Буквально на подходе, я ведь шла к вам, Зоя Яковлевна.

…Итак, через пять минут Колька уже бился в сильных ру-

ках Ады.

– Бойкий мальчишка, – заметила она в этом месте. – Шипел, вырывался, пинаться пробовал… кусался даже! Кассету, между прочим, сюда давай, – не оборачиваясь, через сиденье протянула она мальчишке раскрытую ладонь. – Давай!

– Че мне вам давать-то? – вжался в сиденье Дыня. – Не было там никакой кассеты!

– Врешь?

– Че ему врать-то? – заступилась я за Кольку, невольно заразившись его манерой выражаться. – Вы же сами видите – нету у него ничего!

– А под курткой?

– На, смотри, – парнишка сценическим жестом распахнул на груди свою легкую ветровку. – Обыщи еще меня, ментяра! Без ордера-то…

– Я те дам – ордер, сопляк! – с угрозой начала было Ада, но я вмешалась:

– Не запугивайте ребенка, вы что? Скажи, мальчик, – повернулась я к Дыне, – в квартире действительно не было никакой кассеты?

– Почему не было-то?

– То есть как?! – взвилась Ада.

Я вмешалась, постаравшись мягким тоном смикшировать грозный Адин окрик:

– Так как же было дело, Коля? Имелась кассета на месте или нет?

– Да там этих кассет, наверно, тыща! Ну, не тыща, а штук двадцать точно. Цветные такие коробки. И все с фильмами! Я, пока их перебрал, взмок даже от страха… боялся, что накроют…

– И правильно боялся. Накрыли, – усмехнулась Ада.

– Продолжай, Коля, – попросила я. – Ты хочешь сказать, что не нашел кассету именно с «Джентльменами удачи»?

– Ну да! Он же такую просил!

– А ты хорошо смотрел?

– Да я три раза все перешерстил!

– А в других местах?

– Ну… В этом, в шкафу, посмотрел и под шкафом…

– Ага. Ясно.

Ничего конечно, ясно не было, но не показывать же это при мальчишке! Тем временем «Жигули» миновали уже два квартала и сейчас проезжали по кольцу «речного вокзала» – невдалеке показались цветные крыши придорожных киосков.

– Здесь! Это здесь он меня встретил! – крикнул Дыня, тыча грязным пальцем в окно. Мимо указанного Колькой места в разные стороны шли разные прохожие, но никто из них даже отдаленно не напоминал описанного Дыней человека в шляпе и длинном кожаном плаще.

– Нет его…Ушел, – констатировал Дыня.

– Ушел, потому что не дождался?

– Сколько времени прошло с тех пор, как вы расстались? –

спросила Ада.

– А я знаю? Может, полчаса уже! Или час. А мы через десять минут условились. Будет он меня ждать…

Дыня загрустил – может быть, об утерянной возможности заработать пятисотенную.

– Коленька, знаешь что? Дай-ка ты мне бумажку с адресом. Ту, которую тебе этот мужчина дал. Ты ведь ее не выбросил? – как можно более вкрадчивым тоном спросила я.

Колька пошарил в карманах и положил мне на ладонь маленький бумажный комочек.

– Вы, это, – спросил он, чуть не плача, и губы у Дыни опять поехали вниз, – вы куда меня везете-то? В тюрьму, что ли?

– А куда ж тебя – в санаторий для бывших членов партии? – сыронизировала Ада.

– Да че я такого сделал-то?!

– А ведь мальчик прав, – сказала я покровительственно. – Давайте учтем искреннее раскаяние в содеянном, охотное сотрудничество со следствием и отпустим ребенка. Он больше не будет. Ты ведь больше не будешь, Коленька?

– Че это я буду-то?

– Ну вот, видите! Так как мы поступим, товарищи?

– Ладно, – впервые за все время подал голос Сашка, притормаживая нашу машину у тротуара. И добавил, явно подыгрывая Аде: – Но учти, гражданин Дынкин, что я из-за тебя на нарушение инструкции иду. Еще раз поймаю в чужой

квартире – сядешь по-крупному. Понял?

– Понял, – согласился парнишка и бодро полез из машины.

– Коленька! – крикнула я, спохватившись. – Адрес свой оставь! Свидетелем будешь!

Но мальчишка уже стремительно удалялся, сверкая пятками и перебегая дорогу прямо под носом проезжающих мимо машин.

– Мне кажется, нам надо вернуться обратно.

– Зачем? – обернулась я к Аде.

– Попробуем еще раз осмотреть квартиру Риты. Есть все же крошечная доля вероятности, что мальчик просто не заметил нужной кассеты. Попытаемся ее найти.

– Это противозаконно, – отказалась я. – Квартира опечатана.

– Колька все равно уже сорвал эту печать.

– Все равно, я не буду вам в этом помогать.

– Я помогу вам, хотите?

К моему изумлению, это сказал Сашка. Я воззрилась на него, на мгновение лишившись дара речи.

– Хочу, – просто ответила ему Ада и, как я догадалась, ослепила парня улыбкой. Мой сын смотрел на нее как завороженный. – Вы, как я вижу, не такой уж законопослушник?

– Нет, я… – он смешался. – Вообще-то я как раз учусь на юридическом, но…

– О, как интересно! Что ж, будем считать, что вам пред-

стоят некие практические занятия, да?

– Да, – зачарованно сказал он, с трудом переведя взгляд на дорогу.

– Познакомьтесь, Ада, это мой сын, Александр, – пришлось сказать мне.

Прозвучало это, надо признаться, ни к селу ни к городу.

* * *

Во дворе, который мы покинули несколько минут назад, царило оживление. Безработные, домохозяйки и коротающие век старушки – божьи одуванчики топтались у знаменитого подъезда и трещали, как стайка сорок. Сила их любопытства и желание как можно скорее узнать, что происходит, была так велика, что заставила одну из бабусек кинуться прямо к нам под колеса.

– Старая дура! – прошипел Сашка, резко крутанув руль – так, что мы едва не врезались в железный фонарный столб. – Что-то случилось, гражданка? – спросил он через стекло у маленькой бабки со сморщенным лицом, которая уже стояла у «Жигулей» и остервенело дергала дверную ручку.

– Гражданка! Что случилось?

– Сима пропала, – заявила старушка таким злобным тоном, словно за исчезновение неизвестной Симы мы с Адой и Сашкой несли персональную ответственность. – С утра ушедши, и посейчас нету! Детки беспризорные бегают, не

кормленыя, не поиныя, Кондратича с сердечным приступом увезли! Мы тута думаем – могеть, чего с Симой случилося?! Могеть, Симу-то тоже загубили?!

– Тихо! – невежливо оборвала Ада злющую тарахтелку. – Все по порядку! Кого увезли с приступом?

– Так Кондратьича!

– Это кто?

– Так муж!

– Чей?!

– Симин!

– А Сима – кто?!

Старушка поджала тонкие губы и уставилась на Аду с ненавистью. Впрочем, у бабульки был такой вид, как будто ненависть к молодым и красивым женщинам в дорогих шубах вызревала в ней каждое утро.

– Ишь, какая… – зашипела она и скрючила пальцы своих морщинистых ручек. – За дуру, значит, решила меня подержать?! Не выйдет! – плюнула она и выпятила губу, точно примеряясь, как бы половчее наколоть Аду на свой единственный зуб.

– Именем закона! – оборвала ее я. – Прекратите хулиганить! Мы, между прочим, здесь при исполнении!

По тропке, которую фурия проложила к нашей машине, к нам уже перетекали остальные старушки. Одна из них, маленькая и юркая бабка в вязаной шапочке и отжившей, протертой в разных местах кацавейке, одернула товарку:

– Дуня! Товарищ майор тебя не понимает! Ведь так, товарищ майор? – обратилась она к Сашке, как к единственному мужчине.

– Так, – кивнул сын. Как только его назвали «майором», он сразу стал словно бы выше ростом и приосанился.

– Так вот, дорогой товарищ. Во-первых, от имени дворовой общественности выражаем вам благодарность за поимку квартирного вора, а во-вторых – позвольте доложить, что в семье убитой вчера Маргариты Чечеткиной происходит черт знает что!

– Маня! Не чертыхайся! – одернула «общественницу» третья старушка, очень богобоязненного вида.

– Повторяю: черт знает что! – с видимым удовольствием произнесла вменяемая собеседница.

– Яснее! – приказал Сашка.

– Выражаюсь яснее. Девушку эту, Риту Чечеткину, из морга домой вот-вот привезут? Привезут. Похоронами заниматься надо? Надо. А вместо этого Серафима (это мать Ритина, у нее еще пятеро по лавкам, да вы знаете, – обратилась она на этот раз ко мне), – с самого вчерашнего вечера, как только милиция ей сообщила, что Рита убита, куда-то подевалась, оставив свое потомство без присмотра. Муж означенной Серафимы, Михал Кондратьич, слег с сердечным приступом. Его увезли на «Скорой». Старшая дочь, Татьяна, здесь даже не появлялась! Таким образом, – торжественно провозгласила бабуля, и я вдруг догадалась, что

наша собеседница в давнем прошлом работала по преподавательской части, – пятеро малолетних детей оказались брошенными на произвол судьбы!

Докладчица отступила на шаг и посмотрела на нас победоносно.

– Понятно я выражаюсь, товарищ майор?

– Понятно, – Сашка, а за ним и Ада, и я уже вылезли машины и дослушивали бабку стоя. – А почему бы, дорогие мои женщины, вам не разобрать ребят по своим домам? На время, раз такое дело?

Этот простой вопрос вызвал в толпе старушек некую волну – мысль о том, чтобы увести к себе брошенных детей, никому из них в голову не приходила.

– Эх, вы! – крикнула я и заторопилась к указанному подъезду.

В квартире, где жила многодетная семья Чечеткиных, пахло слезами и лекарствами. Обстановка здесь, как и можно было ожидать, была очень скромная: давно не обновляемая мебель, на полу – тусклые, вытертые половички, на стенах – дешевенькие бумажные обои.

Но квартиру красило другое: здесь царили любовь и тот особенный уют, который зависит от общей атмосферы дома, никаким дизайнерским решением его не создашь. Вот, например, на бумажных обоях радостными островками пестреют листочки со светлыми детскими рисунками. А по всей комнате расставлены забавные самодельные игрушки. На-

верное, это было общим семейным хобби – из бросового материала сооружать такие солнечные вещи!

Но сейчас в квартире стояла тишина. Никак нельзя было подумать, что здесь находится сразу пятеро ребятишек мал мала меньше, а ведь все они тут, сидят рядком на диване в главной комнате, повернув головенки в одну сторону и дисциплинированно сложив ручки на коленях.

Непредумышленно или нет, на диван детвора расселась по ранжиру: худенький белоголовый мальчик лет десяти сидел во главе этого печального ряда, а замыкала его такая же светленькая девочка не более двух лет от роду, с вялым бантом на встрепанной макушке и в приспущенных гармошкой колготках.

Дети молчали и смотрели на меня очень серьезными и совершенно одинаковыми голубыми глазами.

– Ну, здравствуйте, – сказала я как можно бодрее. – Как вы поживаете?

Вопрос был глупый, и задала я его от растерянности. Но на этот глупый вопрос я получила спокойный, дышавший достоинством ответ:

– Спасибо, мы живем хорошо. Чего и вам желаем.

Это сказал старший мальчик. Теперь он смотрел на меня с выжидательной настороженностью. Я кашлянула.

– Э-э… Давайте, ребята, знакомиться. Меня зовут тетя Зоя. А вас?

– Артем, – сказал старший мальчик и подтолкнул брата.

– Митя, – сказал второй.

Дальше зашелестело:

– Катя…

– Маша…

– Поля, – старательно выговорила малышка, почесав головку. И оглянулась на старших.

– Очень хорошо, вот мы и познакомились…

Чтобы детям не приходилось смотреть на меня снизу вверх, я поспешно опустилась на корточки на коврик рядом с диваном. Сашка зашел за мной следом и теперь стоял, прислонившись к дверному косяку. Вести переговоры с детьми было предоставлено мне – мой смелый сын в одночасье оробел от пяти пар глазенок, смотревших на него с такой серьезностью.

– Скажи, пожалуйста, Артем, – обратилась я к старшему, – а где сейчас ваша мама?

– Мама вчера ушла. Она сказала, что скоро придет.

– А куда ушла мама, она сказала?

– Она сказала, что пойдет за Андрюшей.

– За кем?

– За Андрюшей, – повторил Артем. – Она сказала, что Рита уехала и Андрюша остался один у чужих людей. Я сказал – не надо, чтобы у чужих. Мы же к нему уже привыкли.

– И я привыкла к Андрюше, – сказала малышка.

– Мама оделась и ушла. Было темно. Она обещала скоро прийти. Но ее давно нет, мы одни ночевали. Они, – он кивнул

на младших девочек, – плакали. Трусихи. Вы не знаете, – в глазах мальчика я вдруг увидела глубоко запрятанный испуг, губы его задрожали, – если она до вечера не придет, то… нам куда тогда пойти? Папы ведь тоже нет… Он в больнице.

– Папа в больнице, – кивнула Полинка.

– Кгхм… Да ты не беспокойся, Артемка, найдется скоро твоя мама. Скажи-ка мне лучше, а вы не голодные? Вы ели что-нибудь?

– Да, – он махнул рукой в сторону кухни. – Там каша, булки и молоко. Я всем дал и сам поел. Мы есть не хотим.

– Я есть не хочу, – эхом подтвердила маленькая Полинка. И опять оглянулась на старших.

– Да? Это хорошо. А еще скажи мне, Артем, пожалуйста, – ужасно было допрашивать ребенка, но что же делать! – Кто такой этот Андрюша, к которому ты так привык?

Мальчик нахмурился. На его сосредоточенное лицо легла тень недоверия:

– А вы кто?

– Я? Неужели ты меня не узнаешь? Не узнаешь? Совсем?

– Узнаю. Вы та тетя, что внизу дежурит, – сказал он нехотя.

– Ну вот, да. А еще, ну я, кгхм… я… Я мамина знакомая, да. Подруга.

– Не было у мамы таких подруг, – отрезал Артем.

– Мы… понимаешь, мы недавно познакомились.

– Тогда почему вы спрашиваете про Андрюшу? Мама вам

не сказала, да? Почему?

– Понимаешь… мы только недавно познакомились…

– Андрюша – это Ритин сыночек, – вдруг подала голос Катя. Прежде чем сказать, девочка подняла руку – совсем как в школе, хотя лет Катюше было не больше шести. – Он еще совсем маленький, Андрюша. Когда мама его принесла, то сперва даже не разрешала к нему подходить. Из-за ин… – она запнулась, – ин-фек-ции. Только Рите и Тане разрешала.

– Таня – это твоя старшая сестра?

– Да. Только она с нами не живет.

– Она у мужа живет, – сказал Артем, все так же нахмурившись.

– Понятно…

– Значит, Андрюша – это сынок другой вашей сестренки, Риты. Да?

– Он ее сынок, – кивнула Катя. – Он у нас вот в той кроватке спал.

И она показала рукой на маленькую кровать с боковой сеткой, стоявшую в дальнем углу комнаты, как раз под полкой с потрепанными детскими книжками. Я-то сперва подумала, что эта кроватка кого-то из младших девочек.

– Там раньше Поля спала, – пояснила Катя, словно отвечая на мою мысль, – а потом мама принесла Андрюшу. И Поля стала спать со мной и Машей.

– Я сплю с Машей и Катей, – с готовностью заверила меня крошка.

– Значит, Андрюша не жил со своей мамой? То есть с Ритой?

– Он у нас жил, – сказала Катя. И, наклонив голову к правому плечу, добавила: – Рита мало когда к Андрюше приходила. Она была занятая.

– Та-ак…

Оставалась, конечно, еще много непонятного, но я больше не могла вести этот допрос. Конечно, ничего плохого от моих вопросов ребятам не сделается, но все равно. Было в этом что-то некрасивое, подлое даже – расспрашивать испуганных детей, чья мать исчезла неизвестно куда.

На пороге замаячили ретивые дворовые старушки – очень кстати! Страшновато было оставлять ребятишек одних.

– Ну что ж, мальчики и девочки, большое вам спасибо, – сказала я, поднимаясь с пола. – Ведите себя тихо, не балуйтесь… Все будет хорошо. И мама скоро придет… До свидания.

– До свидания, – нестройно ответили дети.

Пятясь, я вышла из квартиры. На смену мне, толкаясь, уже лезли бабульки. На их морщинистых лицах было совершенно одинаковое горестно-жалостливое выражение.

«Напугают только детей, старые ведьмы!» – сердито подумала я, устремляясь во двор вслед за Сашкой к ожидавшей нас Аде, которая так и не вылезла из машины. И вдруг почувствовала, как до моей руки робко дотронулась маленькая ладошка.

– Скажите, – выскользнувший за мной из квартиры Артем, подняв голову, смотрел требовательно и строго, как взрослый. – Скажите: ведь Рита никуда не уехала? Да? Я знаю – ее убили… Я слышал!

– Ты… Ты иди домой, мальчик, – пряча глаза, пробормотала я. – Вот вернется мама – она все-все тебе объяснит.

* * *

Сашка, Ада и я сели на лавочку, на которой еще недавно сидел и размазывал по лицу сопли Дыня, и уставились друг на друга.

– Ну? – спросила я после минуты молчания.

– Ну? – машинально повторил Сашка. И, подумав, добавил: – Я думаю, вчерашний подкидыш – это и есть Андрюша. И Сима эта пошла за ним в дом малютки.

– Господи, да это уже ежу понятно! Ты скажи мне лучше, почему она так долго ходит? Ведь знает, что дети одни?

– Может, они там бумаги какие-нибудь долго оформляют?

– Так долго, что она даже ночевать не пришла?!

Мы снова глянули друг на друга и одновременно поднялись с места. Не сговариваясь, быстро зашагали к машине – как здорово, что я вчера догадалась взять у приехавшей с милицией медсестрой адрес дома малютки! Какая же я молодец!

Этот небольшой двухэтажный дом с выкрашенными жел-

той краской стенами оказался затерянным среди сектора «хрущевок» на другом конце Москвы, в районе станции метро «Планерная». Ада, пригнувшись, долго стучала в дверь главного входа, пока в ней не откинулось врезное окошечко и чья-то равнодушная рука не выставила нам под нос табличку: «Прием посетителей не ведется. Карантин».

– А… – сунулся было в окошко Сашка, но та же рука со стуком захлопнула откидную фанерку, едва не прищемив моему сыну нос. – Вот черт! – пробормотал он, отпрыгнув.

– Что же делать?

– Пойдемте-ка…

Чвакая ногами по каше из мокрого снега, мы вслед за Адой быстро обошли здание по периметру, толкнули дверь служебного входа – она тоже оказалась заперта. Мы забежали еще за один угол – о, счастье! – вход в пищеблок был открыт нараспашку, возле него стоял маленький грузовичок, суетливые тетки в белых халатах принимали из рук молчаливого грузчика большие бидоны с молоком.

– Где заведущая? – не здороваясь, громко спросила Ада, придав своему голосу грозные начальственные модуляции.

– А вы кто? – подозрительно спросила пожилая женщина с «халой» на голове.

– Вопросы здесь задаю я!

Женщина совершено не испугалась Адиного рявканья. Она внимательно посмотрела на меня, потом на Сашку, передала своей более моложавой соседке какие-то бумаги

(«Люба, проверь все по накладным. Только внимательно, Люба!») и, не оборачиваясь, прошла внутрь здания. Мы, конечно, последовали за ней.

– Бахилы наденьте! У нас карантин, – приказала она, когда мы миновали подвальные катакомбы и вышли в светлое и чистое нутро приюта. Пришлось напялить на ноги протянутые ею целлофановые мешочки.

Мы поднялись в кабинет заведующей, который женщина открыла своим ключом. Она хозяйским шагом проследовала по ковру, скрипнув стулом, заняла место за письменным столом – и только тогда повернула к нам спокойное лицо с гладким лбом и густо напомаженными губами:

– Я – заведующая. Слушаю вас.

– Гм…

Сашка растерялся только на секунду.

– Позвольте представиться! – щелкнул он каблуками. – Майор милиции Торочкин!

Он выдернул из руку кармана и быстро-быстро повертел под носом у заведующей какими-то красными корочками. Я удивилась: эт-то что еще за новости?

– Имеем к вам несколько вопросов. Предупреждаю: вопросов важных и сугубо конфиденциальных!

– Я слушаю.

– Так вот, уважаемая… как вас, простите?

– Нина Елизаровна.

– …Так вот, уважаемая Нина Елизаровна, меня интересу-

ет все, что касается ребенка, который был доставлен к вам вчера вечером. Трехмесячный мальчик, подкидыш. Был такой?

– Продолжайте.

– Это, собственно, все. Я задал вам вопрос.

– А могу я узнать, товарищ майор, почему вас интересует судьба именно этого ребенка?

– Не можете. Тайна следствия, – сказал Сашка очень туманно.

Женщина посмотрела на нас с пониманием и наклонила голову, что должно было означать кивок. Затем она разомкнула переплетенные на груди руки. А потом одной рукой нажала вделанную в стену кнопку (я не сразу поняла, что это такое), а другой сняла трубку с телефонного аппарата, набрав на нем номер с лежавшей перед ней визитной карточки.

На тревожный сигнал, который уже звучал вовсю, в дверях моментально возник высоченный амбал в форме санитара.

– Шурик, – сказала Нина Елизаровна, убрав палец с кнопки. – Побудь-ка пока здесь. Чтобы гости наши не ушли ненароком.

Детина остановился в дверях и принялся рассматривать нас пустыми глазами, в которых не светилось ни мыслей, ни чувств, ни эмоций. Заведующая же переключилась на своего телефонного собеседника.

– Алексей Федорович! – сказала она в трубку, и я мгно-

венно похолодела: она звонила следователю Бугайцу! – Это Нина Романчук, из дома малютки, мы с вами утром виделись… Да, да. Взаимно. Так вот, товарищ следователь, у меня в кабинете сидят трое. Предъявили фальшивые удостоверения и потребовали выдать информацию о пропавшем ребенке. Да, том самом. Я распорядилась их задержать.

– Пропавшем ребенке? – вздрогнула я. – Что, мальчика украли?!

Мне никто не ответил. Заведующая выслушала несколько указаний, которые следователь пробулькал ей в телефонную трубку, и опустила оную трубку на аппарат.

– Что это значит? – спросила я, негодуя. – Вы никакого права не имеете нас задерживать!

– Сидите, женщина, – спокойно и даже где-то дружелюбно сказала заведующая. – Я выполняю данные мне инструкции.

– Мы ни в чем не виноваты!

– Ну, так тем более не о чем беспокоиться.

– Но…

Я сделала попытку подняться с места. Однако амбал шевельнулся – и мне сразу расхотелось дразнить зверя.

– Такой дядя – и работает в детском приюте… Ему бы на границе стоять… С рогатиной! Охранять наши рубежи, – проворчал Сашка, невольно вдавливаясь спиной в стену.

– Нельзя ему на границе, – ласково сказала Романчук. – Наш Шурик – человек глубоко верующий и оружия в руки не возьмет. Он здесь альтернативную воинскую службу про-

ходит.

В принципе, из этих слов Нины Елизаровны следовало, что Шурик не станет ловить и бить нашу троицу, если мы сделаем попытку бежать. Но я еще раз посмотрела на бритую голову этого пацифиста, по форме и величине напоминавшую тыкву, на руки-грабли, которые свешивались у него почти до коленей, – и отвергла мысль о побеге.

– И все-таки, Нина Елизаровна! – Сашка, несмотря на арестантское положение, включил свое обаяние на полную мощь (а этого обаяния у «милого мальчика», как называли моего сына поголовно влюбленные в него старые девы нашего двора, были полные закрома). – Раз уж мы все равно узнали, скажите: неужели подкидыш пропал? Как же так? Его украли?

– Я не могу отвечать вам, молодой человек. До тех пор, пока не проясню природу вашего любопытства.

– А я вам объясню, – вмешалась я. – Это при мне вчера был найден ребенок, которого вчера же привезли в ваш дом малютки. Я вызывала милицию, и медсестру к вам провожала опять же я.

– Ну, раз так, то следователь прокуратуры будет вам только благодарен. Сейчас он сюда подъедет, и вы…

Она осеклась и неторопливо встала навстречу Алексею Бугайцу, уже переступавшему порог ее кабинета. Следователь остановился у двери и уставился на нас с откровенной недоброжелательностью. Минута, если не больше, прошла в

звенящем молчании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.